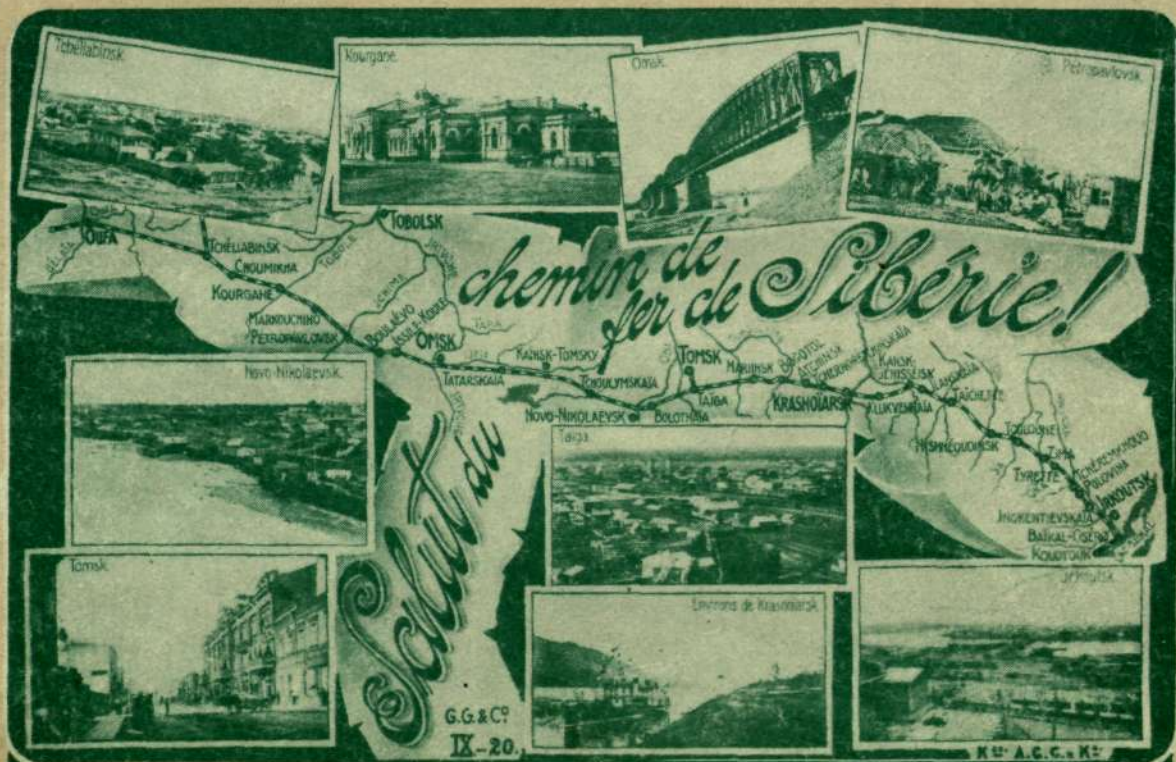

СИБИРСКАЯ СТАРИНА

N°3

ТОМСК

1993

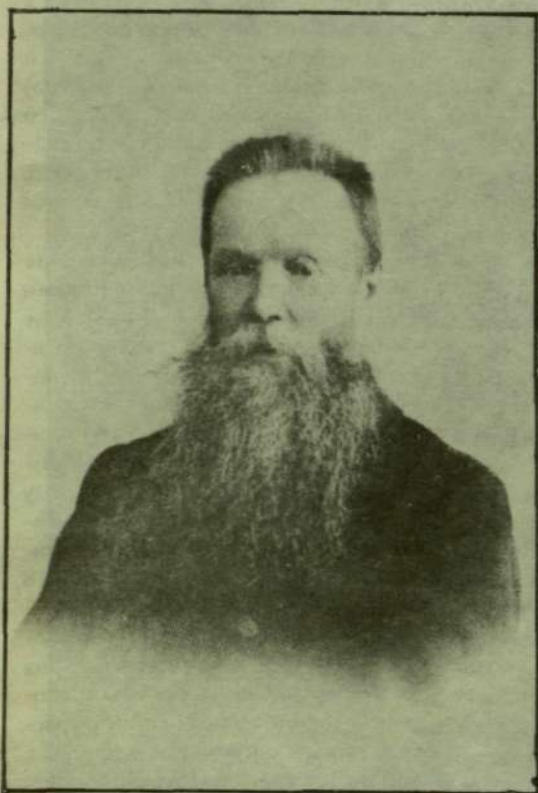

СИБИРСКАЯ СТАРИНА

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 3

1993 г.

П. И. Макушин
(1844 — 1926)

Читайте
в номере:

М.Шиловский. ПЕРВЫЙ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР СИБИРИ	2
В.Крюков. ТАКУМИРАЛА ДУМА	4
В.Копылов. ОДИН ЧАС В ЖИЗНИ ГЕОЛОГА	7
В.Марьин. ДАР СТРОГАНОВЫХ	11
Я.Яковлев, В.Дремов. ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРЕДКАМИ	12
В.Суздальский. «...И НАВОДНИТЬ СИБИРЬ КНИГАМИ»	15
О.Разумов. СИБИРСКИЙ САМОРОДОК	16
Э.Майдашок. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ МАСТЕР	18
Б.Климычев. КОГДА АГЕНТЫ ПИЛИ КОФЕ	20
Н.Котов. ЖИЗНЬ НА ГРАНИ ЭПОХ	22
Е.Кошелева. ИСТОРИЯ С КИНОЭКРАНА	24
С.Вавилов. ПЕВИЦА ТОМСКАЯ	26
Т.Калабухова. КАК «ЗАКАЛЯЛИ СТАЛЬ»	27
А.Казачков. УРОКИ КАЛАБУХОВА	28
Л.Пичурин. ПУТЬ НА ПАНКРАЦ	30
УРЖАТКА	32

ПЕРВЫЙ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР СИБИРИ

К 130-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.В. ВОЛОГОДСКОГО

Седьмого февраля 1920 года в Иркутске были расстреляны адмирал А.В.Колчак и председатель Совета Министров Всероссийского правительства В.Н.Пепеляев. Судьба сыграла злую шутку с последним, бывшим преподавателем истории из Бийска, одним из лидеров кадетской партии, поскольку рескрипт о его назначении на указанный пост был подписан «верховным правителем» в Ново-николаевске 23 ноября 1919-го. Всего полтора месяца выполнял Виктор Николаевич свои обязанности, точнее до 15 января 1920-го, когда вместе со своим шефом и эшелонем российского золота впридачу был передан командовавшему Чехословацкого корпуса иркутскому Политцентру в обмен на право проезда на восток через составившую столицу Восточной Сибири. По праву рядом с Колчаком у проруби на Ангаре под стволами винтовок должен был стоять человек, который был председателем Совета Министров задолго до появления «верховного правителя» в Омске - с 30 июня 1918-го. А он в это время, почувствовав облегчение от снятой непосильной ноши, по собственному признанию, свободно разгуливал по Иркутску «в костюме пролетарствующего интеллигента: короткая куртка и скромная шапочка».

Речь идет о Петре Васильевиче Вологодском, биография которого изобилует подобного рода коллизиями. Поездите сами. Историки до сих пор не могут договориться о его партийной принадлежности. Одни зачисляют его в эсеры, другие считают кадетом, самые «проницательные» квалифицируют как полуэсера-полукадета. Прослужил тридцать лет на государст-

венной службе и занимая к 1917 году высокий пост одного из председателей Омской судебной палаты, Вологодский был всего лишь коллежским секретарем, то есть достиг 10 класса «Табели о рангах», в то время, например, как его друг и единомышленник А.В.Адрианов ушел в отставку статским советником (5 класс).

В период гражданской войны и после краха «белого» движения, уже в эмиграции, многие «бывшие» писали о Вологодском не без досады, как о человеке «толстовского типа», склонном к морализированию. А вместе с тем, этот «сибирский г. Львов» (Г.Е.Львов - первый глава Временного правительства в 1917 г.), «толстовский тип» продемонстрировал в 1918-1919 годах примеры исключительной политической изворотливости, пережив со своим правительством все антибольшевистские государственные образования, включая знаменитый самарский Комуч, сумев договориться с интервентами, войти в состав Директории и сохранить положение при Колчаке, уйдя в отставку последним из членов своего кабинета, санкционировавшего переход Всероссийской власти в руки адмирала. Попытаемся разобраться в этих противоречиях, проследив жизненный путь нашего героя.

Петр Васильевич родился 12 февраля (30 января по ст.ст.) 1863 года в селе Комарово Канского уезда Енисейской губернии в семье священника. Рано остался без отца. Детские годы его прошли в селе Краснореченском Маринского уезда Томской губернии. Учился сначала в Красноярской гимназии, а с четвертого класса - в Томской, окончив ее в 1884-м. Поступил в Петербургский университет, но в 1887 году, как политически неблагонадежный, был исключен из него и выслан в административном порядке к матери в Томск. Тем не менее в 1892-м он экстерном сдал за курс юридического факультета в Харьковском университете. Как видим, биография пока удивительно напоминает жизненный путь его современника из Симбирска. Правда, дальше совпадений уже не было.

С 1887 г. Вологодский служит канцелярским чиновником Томского губернского суда, заседателем в Барнаульском суде, делопроизводителем в канцелярии Степного генерал-губернатора (Омск), городским судьей и следователем в г. Верном (Алма-Ата) и три с половиной года товарищем прокурора в Семипалатинске. В 1892-м определяется в штат Томского суда, а позднее становится присяжным поверенным (адвокатом).

В Томске П.В.Вологодский вместе со ссыльными народниками С.П.Швецовым и А.Н.Шиницыным принимает участие в создании городской эсеровской организации, становится активным деятелем областного движения, входит в круг ближайших друзей Г.Н.Потанина. Именно по его предложению в 1902 году последний переезжает в Томск и первоначально живет у Петра Васильевича в доме по улице Ефремовской, 18 (ныне ул. Бакунина).

Среди сибирских областников Вологодский «специализировался» на подготовке проектов реформ судопроизводства и местного самоуправления, активно сотрудничал в прессе, в том числе в журнале «Русское богатство». Участвовал он в создании проекта «Основных положений Сибирского областного союза» и в работе его

съезда 28-29 августа 1905-го. Вместе с Г.Н.Потаниным представлял эту организацию на Московском съезде городских и земских деятелей в сентябре того же года.

По всем имеющимся данным в период революции 1905 - 1907 годов Петр Васильевич являлся активным членом партии социалистов-революционеров, одним из руководителей ее томской организации. Так, в «Списке лиц, коих дальнейшее оставление на службе нежелательно» он характеризуется следующим образом: «Главнейший руководитель местной груп-

пы партии социалистов-революционеров, которую и снабжает средствами. Под его влиянием городское самоуправление и газета «Сибирский вестник» придерживаются явно противоправительственного направления, чем главным образом и были вызваны томские октябрьские революционные беспорядки. Организатор томской группы «Сибирских сепаратистов», съезд которых в августе 1905 г. (съезд Сибирского областного союза - М.Ш.) проходил в его квартире». Наконец, на заключительном этапе революции П.В.Вологодский избира-

ется депутатом во 2-ю 1 осударственную Думу.

Дума, как известно, была разогнана 3 июня 1907 года. Не осталась без внимания и политическая активность присяжного поверенного. Его переводят в Омск на должность... прокурора. Временное правительство в июне 1917-го назначает Вологодского на должность старшего председателя Омской судебной палаты (высший судебный орган для всей Западной Сибири). Находясь в Омске, он не прерывал связей с томскими областниками, регулярно выступал со статьями в периодике, активно участвовал в праздновании 80-летнего юбилея Г.Н.Потанина в 1915 году.

После октября 1915-го, прервавшего судебную карьеру, П.В.Вологодский редактировал газету «Заря», орган омского блока социалистических оборонческих партий, а затем журнал кооперативного объединения «Центросибирь» - «Трудовая Сибирь». Что касается партийных симпатий нашего героя в 1917 - 1919 годах, то в одном из интервью в январе 1919-го он заявил: «Вы знаете, что я когда-то принадлежал к партии с-ров. Теперь, конечно, нельзя говорить, что я всецело остался сторонником этой партии, но в душе я никогда не был слишком партиен».

В конце января 1918 года на нелегальном заседании Сибирской областной думы в Томске, по предложению фракции областников, вместе с Вл.М.Крутовским, И.А.Михайловым, И.И.Серебренниковым, Г.Б.Патушинским и М.В.Шатиловым Петр Васильевич избирается в состав Временного правительства автономной Сибири в качестве министра иностранных дел (внешних сношений). Но «правительство», созданное для борьбы с большевиками во главе с П.Я.Дербером, сбежало на Дальний Восток. Остались в Сибири перечисленные выше шесть министров, которые вновь возникли на политической арене после свержения в Сибири летом 1918-го советской власти. 30 июня в Омске они сформировали Совет Министров Временного Сибирского правительства (ВСП). При этом П.В.Вологодский становится председателем Совета Министров.

П. В. Вологодский (в светлом костюме), 1918 г.

Пролог

Сегодня среди прочих идей, в изобилии рожденных новым временем, обнародована идея самостоятельности, независимости Сибири. Кто-то помнит имена Г. Потанина и Н. Ядринцева, кто-то слышал об их областнических мечтах и чаяниях. Но совсем малое число просвещенных сибиряков (исключая историков) знает о том, что были в истории Сибири и самостоятельное правительство, и свой парламент. Правда, век этого парламента был недолог. Говоря словами старинного романа, он «не расцвел и отцвел в свете пасмурных лет». А годы были действительно пасмурные...

Итак, время действия – 1917 год. Отрекся от престола последний российский император. Традиционный механизм управления огромной страной разлажен, новый еще предстоит создать. Между тем на местах оцумит вакуум власти, а без власти, как известно, русскому человеку никак нельзя. И вот многие окраины бывшей империи обустраиваются самостоятельно.

Не остается в стороне и Сибирь. В октябре 17-го в Томске проводится первый областной сибирский съезд. Предложен проект устройства свободной Сибири. Признается главенство центрального парламента, то есть, Сибирь определяется составной частью Российской республики. Законодательный орган – Сибирская Областная Дума, в ведение которой передаются местные финансы и народное образование, здравоохранение и общественная безопасность, пути сообщения и почта. Дума должна получить в свое распоряжение народное достояние – земли, воды, леса и недра. Получить на тех основаниях, которые будут установлены Всероссийским Учредительным собранием.

Восстание большевиков поселило определенную тревогу, но (по крайней мере, на словах) и они не отказываются от идеи собрания.

В преддверии этого события 6-15 декабря в Томске созван второй общесибирский съезд, получивший еще и название «Чрезвычайного об-

ного правителя» и заверениями Вологодского при первой возможности «приступить к избранию Национального собрания для определения основ будущего государственного устройства России и моей родины Сибири», закончился крахом. Откатываясь под ударами Красной армии, колчаковское войнство уходило на восток. Пытаясь продлить агонию режима, П.В. Вологодский согласился с предложением «уступить место волевоу и активному лицу». Им стал В.Н. Пепеляев. Но, уходя с политической арены, в разговоре по прямому проводу с Колчаком, Петр Васильевич прямо высказал ему о произволе, «царящем во всех областях жизни», о бессилии правительства «положить конец своеволию военных начальников», об ужасном экономическом кризисе и приближении голода. «Авторитет правительства, а также Ваш личный, – говорил Вологодский, – падает с каждым часом». Так закончилась эра Вологодского, а сам он остаток дней провел в эмиграции в Манчжурии, где и скончался после 1928 года.

С деятельностью П.В. Вологодского, как председателя Совета Министров, связан один курьез из области фалеристики. В июле 1919-го А.В. Колчак, по его представлению, утверждает статут и образцы знаков ордена «Освобождения Сибири». «Орден Освобождения Сибири есть награда почетная, – говорилось в первом параграфе статута, – жалуемая как гражданам Сибири, так и прочим гражданам государства Российского и подданным иностранных государств, оказавшим несомненные заслуги по освобождению Сибири от большевиков, как на поле брани, так и в государственном строительстве». Орден учреждался в четырех степенях. Знаки его представляли собой золотые или серебряные кресты, а также звезды, украшенные малахитом и хризолитами. В центре орденового знака помещалась дата - 1918, очевидно, связанная со временем возникновения Временного Сибирского правительства. Факты награждения этим орденом не известны, хотя знаки были изготовлены, а одна из звезд ныне хранится в Русском музее.

Михаил ШИЛОВСКИЙ.

доктор исторических наук,
г. Новосибирск

Поздравляя друга и единомышленника, А.В. Адрианов писал ему 7 июля: «Приветствую прежде всего Ваше вступление в состав сибирского правительства в качестве его главы. Приветствую с тем большим чувством удовлетворения, что этим аннулирован сам собой тот позор наш, который неотступно беспокоил меня фактом избрания на этот пост какого-то безвестного проходимца, одесского еврея Дербера».

Выбор Вологодского действительно оказался на редкость удачным. Определенную роль сыграли его популярность, умение ладить как с «правыми», так и «левыми», личный авторитет. Так, на собрании «Дальневосточного комитета защиты Родины и Учредительного собрания» 21 сентября 1918 года принимается решение поддержать Временное Сибирское правительство, поскольку, помимо всего прочего, «личность Вологодского вызывает доверие, ибо им преследуются государственные, а не личные интересы». Как видим, в противостоящем советам лагере достаточно высоко котирировалась моральная чистоплотность и щепетильность.

Внешне «рыхлому» и «слабому» Вологодскому удалось провести свое правительство через все бурные водовороты 1918-го, устранить конкурентов, нейтрализовать, а потом свести на нет претензии Сибирской областной думы, а после создания на Уфимском государственном совещании Директории (одним из пяти ее членов стал сам Петр Васильевич) добиться у нее признания сибирского правительства в качестве всероссийского. Сохранили свои посты министры и после установления диктатуры Колчака. Причем, во многом благодаря Вологодскому остались живыми эсеровские руководители Директории. В письме к «верховному правителю» он поставил условием своего пребывания в Совете Министров «сохранение жизни Авксентьева, Зензинова, Аргунова, Роговского». Поэтому они отделались высылкой из Сибири через Владивосток.

Однако начатый летом 1918 года эксперимент по утверждению в регионе «народовластия», подкрепленно-го единоличной диктатурой «верхов-

УМИРАЛА ДУМА

1

щественного съезда». Заявили о непризнании Советской власти. Направили приветствие в Петроград депутатам Учредительного собрания. Было решено создать временные органы управления Сибири. В декларации подчеркивалось, что инициатива на местах поможет преодолеть общий кризис.

Главной текущей задачей стал созыв временной Сибирской Областной Думы. И с этим торопились: известия из Петрограда, где в день

открытия Учредительного собрания на улицах пролилась кровь, настраивали на тревожный лад. И вправду, большевики после разгона «учредилки» не церемонятся. Вот и Записсовет решил «ликвидировать Думу до ее открытия». Крутая формулировка! Сказано — сделано. В ночь на 26 января 1918 года произведены аресты. Триумфальное шествие Советской власти продолжается.

Однако в конце мая 1918 года начался мятеж чехословаков. Сибирь сбрасывает оковы большевизма. Дума выходит из подполья. В последние дни июня по инициативе эсеров начинает работать частное совещание членов Сибирской Областной Думы. На первом заседании председательствует Г. Потанин.

Решено: исполнительная власть переходит к Временному Сибирскому правительству, которое будет работать в Омске. Его возглавит П. Вологодский. Законодательная власть — Дума под председательством И. Якушева — созывается в Томске. В соответствии с партийной принадлежностью образованы четыре фракции Думы: 1) объединенных областников и беспартийных, 2) социалистов-революционеров, 3) социал-демократов, 4) национальностей.

Дума начинает подготовительную работу. В газетах Томска появляются объявления: «В стенографическое бюро для Сибоблдумы немедленно нужны стенографистки», «для канцелярии Сибоблдумы требуются новые или подержанные, но вполне исправные пишущие машины с открытым шрифтом», «требуются опытные машинистки за вознаграждение от 300 до 350 рублей в месяц».

Открытие Думы намечалось на 20 июня, однако его пришлось отложить до прибытия кворума. Между тем из Омска приехали приветствовать Думу высокие гости. Что делать? Им приходится выступить на совещании уже прибывших депутатов. Думу приветствует от имени Временного Сибирского правительства товарищ министра внутренних дел П. Михайлов. Он заявляет, что «правительство намерено работать в ближайшем контакте с Думой». От имени Национального совета чехословаков выступил комиссар чехословацких войск доктор Глосс.

Наконец газеты извещают: «Господин Председатель Сибирской Област-

КРАТКИЙ ПРОТОКОЛЬ

заседания Президиума и Представителей фракций Сибирской Областной Думы 5 ноября 1918г.

по вопросу о предложении Всероссийского Временного Правительства о Сибирской Областной Думе.

Присутствовали: И.А. Якушев, Ю.Р. Саиев, В.П. Мазань, И.М. Ланков; Представители фракций областников — автономистов и беспартийных М.В. Сабунаев, А.В. Адрианов, Фракция Национальностей В.А. Стронань, Вампилунь, Ваертонь, С-д. Фракция С.А. Тараканова, Н.А. Вакулинъ, Фракция С-Р. И.Г. Гольдбергъ, Л.К. Солдатовъ, Е.И. Яницкий.

Слушали предложение И.А. Якушева дать ответ на вопрос главы Всероссийского Временного Правительства Николая Дмитриевича АВКСЕНТЬЕВА о самороспуске Сибирской Областной Думы. По этому вопросу были зачитаны резолюции фракций, при семь прилагаемыя.

Постановили: просить Н.Д. АВКСЕНТЬЕВА отложить решение вопроса на одни сутки, для того, чтобы фракции, не решивши этот вопрос, могли прийти к межфракционному соглашению.

Слушали: вопрос об утверждении полномочий Членов Думы, прибывших в Томск во время перерыва занятий Думы и неутвержденных ее пленумомъ.

Постановили: в случае возобновления занятий Думы, в повестку дня включить вопрос о полномочиях вышеуказанных Членов Думы. Предложить комиссии по проверке полномочий рассмотреть вышеуказанные полномочия до заседания пленума Думы.

Президиумъ Сибирской Областной Думы

Представители Фракцій:

Председатель И. Якушев
М. Представитель
В. Стронань
А. Адрианов
М. Сабунаев
Н. Вакулинъ
И. Гольдбергъ
Л. Солдатовъ
Е. Яницкий

ной Думы доводит до сведения граждан, что открытие Сибирской Областной Думы назначено на 18-е августа, один час дня, в помещении актового зала Университетской Библиотеки. Вход по билетам».

II

День открытия Думы прошел торжественно. Здания города были убраны бело-зелеными флагами. Отменены занятия в общественных и частных учреждениях. Улицы заполнились народом. Толпился он и возле университетской библиотеки. Звонили колокола церквей. Но проникательные умы уже поняли, что главные вопросы сегодняшнего дня решаются там, в Омске. Там делаются назначения, смещения, определяется стратегия. Сибирское правительство числит себя больше чем сибирским. И справедливо. На него смотрят в надежде те россияне, которые не признали большевиков. И кажется, в Омске не очень нуждаются в советах Думы. Да, похоже, и в самом ее существовании.

В сентябре противостояние Думы и правительства, доселе в какой-то степени подспудное, не явное, вышло в форму открытого конфликта, да еще и с человеческой жертвой.

19 сентября на заседании Совета Министров (причем в отсутствие П.Вологодского) М.Шатилов и В.Крутовский (министры-областники по ориентации) высказались против направления деятельности Административного Совета - органа, созданного при правительстве. Они предложили ввести в состав министров А.Новоселова - единоверца-областника. Административный Совет ответил на эти выступления по-своему. В ночь на 21 сентября Шатилов, Крутовский, Новоселов, а также прибывший в Омск Председатель Думы И.Якушев арестованы по обвинению в том, что «этими лицами замышлено и приступлено к совершенно государственного переворота, направленного против государства Российского и Временного Сибирского правительства».

В официальном освещении эти омские события так и представлены, как попытка переворота. Под угрозой расстрела Шатилов и Крутовский написали прошения об отставке. Новоселова оставили под арестом, а через два дня во время прогулки застрелили. Административный Совет за-

явил о роспуске Думы (имея, кстати, такие полномочия от правительства).

Между тем в Уфе организована Директория - всероссийская власть до созыва Учредительного собрания. Однако ее лидерам очевидно, что реальной-то властью обладает здесь, на свободной от большевиков территории, Временное Сибирское правительство. Члены Директории отправляются в Омск с предложением создать общий Совет министров. Согласование идет сложно. Обе стороны упорно отстаивают своих кандидатов. Правда, А.В.Колчак на пост военноморского министра избран без споров.

На допросе в Иркутске перед красным трибуналом адмирал Колчак говорил об этих днях: «В это время поднимался вопрос о Сибирской Областной Думе, которая была в Томске. Вопрос этот не имел особенной остроты, потому что представитель Директории Авксентьев совершенно определенно заявил, что он берет на себя решение вопроса о роспуске Думы».

3-го ноября объявлено о передаче всей власти Временному Всероссийскому правительству. Теперь запрет Административного Совета можно было считать как бы незаконным. Но централизация власти не дает оснований питать какие-то областнические надежды.

III

Николай Дмитриевич Авксентьев уже в качестве председателя правительства предлагает руководителям Думы решить вопрос о самороспуске. И пусть это называется «предложением», всем ясно, какого ответа ждут в Омске.

5-го октября 1918 года думцы устраивают заседание Президиума и представителей фракций. Однако после обсуждения представители партийных фракций к единому мнению не приходят.

Что остается И.Якушеву? Он просит у Авксентьева еще сутки для того, «чтобы фракции, не решившие этот вопрос, могли прийти к соглашению». На другой день эсеры сообщают о своем решении «согласиться на открытие Думы с тем, чтобы в первом же заседании внести постановление о роспуске Думы с выражением доверия Всероссийскому правительству». Они предлагают социал-демократам, чья позиция наиболее отлична от всех, подумать и договориться о каком-нибудь одном решении. Объявляется перерыв. Половина времени, отпущенно-

го Думе, истекла. Что отвечает социал-демократы? А вот что: позиция фракции старая - «считать необходимым критику действий Сибирского Временного правительства». Якушев растерян. Он спрашивает у Совета Старейшин, возможно ли при таких обстоятельствах гарантировать Авксентьеву выполнение его программы в точности. Совет Старейшин полагает, что возможно. Все это Председатель Думы сообщает в Омск.

В годовщину большевистского переворота рождается такой Указ Временного Всероссийского правительства:

гор.Омск	25 октября	1918
	(7 ноября)	года

Постановлением от 3-го ноября 1918 года Временное Сибирское Правительство учредило Комиссию по выработке Положения о выборах в Сибирский Представительный Орган. Подтверждая это постановление, Временное Всероссийское Правительство постановлением своим от 6 ноября 1918 года признало необходимым распустить Сибирскую Областную Думу с 28 октября 1918 года.

(10 ноября)

Подлинный подписали Временное Всероссийское Правительство: Н.Авксентьев, В.Болдырев, П.Вологодский, В.Виноградов, В.Зензинов.

«Вестник Временного Всероссийского Правительства» 8 ноября удовлетворенно комментирует: «...объединение власти - это необходимое условие единства решительных действий - налицо».

Однако ритуал еще не исполнен до конца. Десятого ноября 1918 года в 1 час дня под председательством И.Якушева открывается заседание Думы, которому предстоит быть последним. В зале появляется Н.Д.Авксентьев, встреченный продолжительными аплодисментами. Ему дают слово. Не знаю, каким оратором был Николай Дмитриевич, то есть, не знаю тембра голоса, умения держать паузу и владеть интонацией. Но в этом своем выступлении он показал замечательное понимание момента. Он сочувствовал собравшимся, он вместе с ними переживал драматизм ситуации, он не уговаривал — убеждал, наглядно очерчивая суровую политическую реальность.

Отвечая на предложение главы правительства, член Думы Е.Колосов от имени фракции социалистов-революционеров заявил, что Россия вправе требовать от собравшихся такой

жертвы. «Областные самоуправления должны влить свои силы в единое русло и в этом русле должна политься свободная и новая государственная жизнь».

Сибирская Областная Дума принимает следующую формулу перехода, предложенную фракцией социалистов-революционеров: «Заслушав грамоту Всероссийского Временного Правительства о временном уничтожении областных автономий, Сибирская Областная Дума постановляет, исходя из общих интересов Родины и завоеваний революции, требующих полного объединения всех разрозненных частей страны вокруг единого государственного центра, Сибирская Областная Дума выносит решение о прекращении своих работ как органа областного управления автономной Сибири. Вместе с тем она убеждена, что Всероссийское Учредительное Собрание или до его созыва полномочный орган центральной власти в возможно скором времени восстановит областные самоуправления...»

Стоя на пути возрождения Родины через демократию, Всероссийское Временное Правительство найдет в широких слоях трудовой демократии, представленной в Сибирской Областной Думе, всемерную поддержку».

Но буквально через несколько дней другая группа спасителей России выбрала другой путь возрождения родины. Не через демократию, а через диктатуру. 18 ноября 1918 года верховным правителем России был объявлен адмирал А.В.Колчак. Его окружению были равно не нужны ни областники, ни эсеры, ни члены Учредительного Собрания, что нашли в Сибири почву для возобновления своей деятельности...

Вместо эпилога

ОТКАЗ АВКСЕНТЬЕВА /Владивосток, 6 марта/ 1919

Приезжавший сюда организатор Иркутского восстания кап. Калашников обращался в Париж к Авксентьеву с просьбой о финансировании его для борьбы с коммунистами, считая обстановку Дальнего Востока исключительно благоприятной для этого. Авксентьев ответил отказом за неимением средств.

Владимир КРЮКОВ.

ОДИН ЧАС В ЖИЗНИ ГЕОЛОГА

И. П. ТОЛМАЧЕВ —
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ
НЕФТЯНОГО НОРДВИКА
НА ТАИМЫРЕ

...Шел январь 1905 года, начало века. Русское географическое общество снарядило на свои средства комплексную экспедицию в северные широты Центральной Сибири. Начальником экспедиции был назначен смотритель геологического музея Геологического комитета в Санкт-Петербурге Иннокентий Павлович Толмачев. Его помощниками стали военный топограф М.Я.Кожевников и астроном О.О.Баклунд — шведский подданный (1878-1958). Главным пунктом сбора и оснащения экспедиции стал Красноярск.

Маршрут движения пролегал через малоисследованные в геолого-географическом отношении р-ны Хатанги и ее притоков, от восточной части полуострова Таймыр до устья реки Анабар. Способ передвижения — сани и олени. Из Туруханска И.П.Толмачев со спутниками выехали до притока Хатанги Котуя, к озеру Ессей и к реке Мойеро. Эта часть пути заняла весну и лето. Затем по течению Хатанги уже в сентябре 1905 года исследователи добрались до восточного берега Хатангского залива. Здесь И.П.Толмачев, отделившись вдвоем с Кожевниковым от главного обоза на несколько дней, устремился к полуостровам Хара-Тумус, Юрунб-Тумус и к бухте Нордвик на побережье моря Лаптевых.

Полярный день стремительно сокращался, выпал первый, хотя и не глубокий, снег: ситуация для геолога-полевика самая неподходящая.

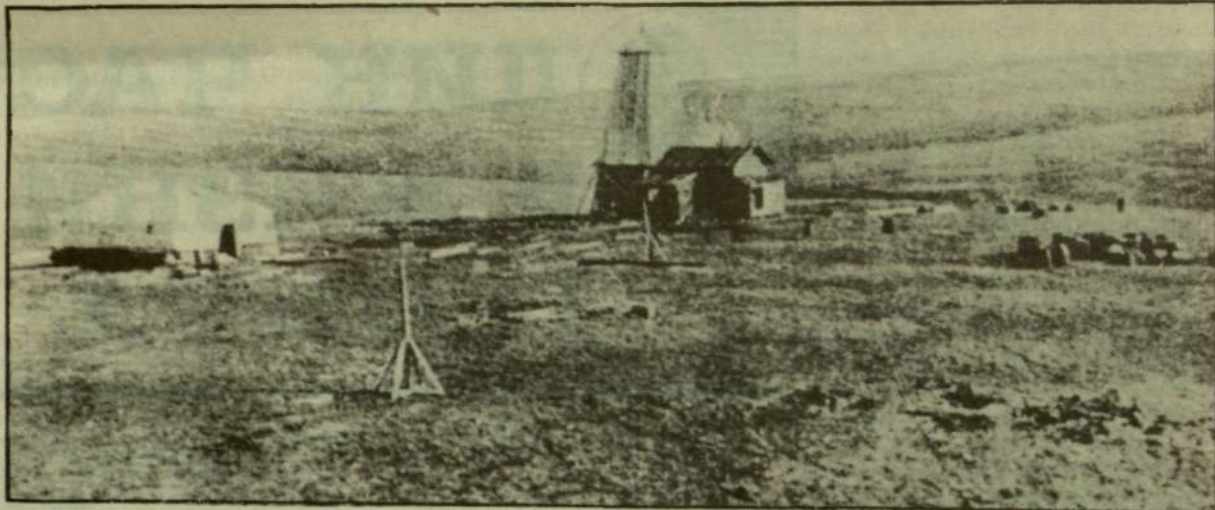

А объект осмотра был весьма интересен — соляная сопка. Сведения о ней в восточных районах Таймыра стали известны задолго до И.П.Толмачева. Так, якутский промышленник Н.С.Белоусов в 1815 году докладывал императору Александру I: «В 1804 году по случаю проездов моих по берегу Ледовитого моря, в Анабарской стороне найдены мной соль каменная и таковое же масло, названное врачебной управой горной нефтью». Эти, несомненно, полезные сведения не были, однако, привязаны ни к карте, которой в те годы просто не существовало, ни к местности: «Анабарская сторона» не обязательно могла быть Нордвиком. И.П.Толмачев как специалист-геолог первым не только ступил на эти земли, но и совместно с Кожевниковым точно нанес их на карту, включая соляную сопку.

Из-за непогоды и отсутствия корма для оленей срок пребывания на сопке, по признанию самого И.П.Толмачева, не превысил одного часа. На скорую руку, почти без

Сибирская
Старина

7

разбора, Толмачев собрал первые попавшиеся и необычные на первый взгляд образцы известняка и соли, сделал несколько фотографий — почти в сумерках! — и покинул сопку. Годичная экспедиция и один час... О последствиях этого часового посещения — чуть ниже.

В течение всего путешествия его участникам удалось собрать огромный картографический, геологический и этнографический материал. С трудом его разместили в обозе из нескольких десятков повозок. Как часто бывает, когда ставится сверхзадача и решение ее обрастает огромной суммой сведений, обработка материалов занимает гораздо больше времени, чем их сбор. Такое случилось и с экспедицией Толмачева. Достаточно сказать, что только объяснительную записку к карте, составленной Кожевниковым, удалось написать и опубликовать в 1912 году. Другие материалы по возвращении экспедиции в декабре 1905 года были переданы Толмачевым на хранение в Географическое общество, в Академию Наук и Геологический комитет, в известный всему миру геологический музей на Васильевском острове в Санкт-Петербурге.

Наступили военные события 1914 года, затем две революции, случайная поездка И.П.Толмачева в Омск в 1918 году, отъезд в Иркутск и Владивосток, непродолжительная работа в Дальневосточном отделении Геологического комитета и, наконец, эмиграция в Америку в 1922 году. И только здесь, в США, изучая нефтяные месторождения Пенсильвании, приуроченные к соляным куполам, Толмачеву пришла в голову мысль об аналогии этих куполов с таким же, обследованным наспех почти 20 лет назад, куполом на полуост-

рове Юрунб-Тумус в заливе Нордвик. Следующий логический шаг был сделан немедленно: на побережье залива, как и в Пенсильвании, может быть обнаружена нефть.

А теперь поставьте себя на место Толмачева: есть догадка, и достаточно обоснованная, любой исследователь тут же организовал бы в Нордвик экспедицию для ее проверки. Увы! Для эмигранта приезд в Советскую Россию стал невозможным, несмотря на просьбы Толмачева к правительству страны и в Академию Наук. Застолбить идею могла только статья, что и выполнил Толмачев в одном из американских журналов в 1926 году. Она тут же была перепечатана в СССР в переводе на русский язык. Далее последовала лавина любопытнейших и драматических событий.

Ленинградский геолог Л.П.Смирнов обратился к минералогической коллекции И.П.Толмачева, лежавшей много лет без движения и даже не будучи описанной (вот что значит не вовремя сделать обработку привезенного из полевой экспедиции материала: крупная ошибка опытного, казалось бы, геолога!). Смирнов установил, что при ударе по известняку геологическим молотком образец горной породы издавал слабый битуминозный запах, а при расколе запах становился резким. И.П.Толмачев, надо полагать, при отборе образца не сделал даже попытки воспользоваться геологическим молотком. А ведь у каждого геолога ударное движение по горной породе — это рефлекс, автоматический импульс и привычка. Вот какие курьезы случаются даже с выдающимися геологами! Удар Толмачев молотком по известняку на месте его находки, как это делают все полевые геологи-поисковики, и еще в 1905 году Нордвик мог бы стать объектом нефтяного поиска...

Вскоре Смирнов обнаружил в образце известняка следы битума. Битум дал нефтяную вытяжку. По времени эти исследования совпали с началом интенсивного изучения и освоения Северного морского пути в начале тридцатых годов. И соль, и нефть, да еще на трассе движения морских транспортов, всегда считались стратегическими природными ископаемыми. Вскоре в устье Хатанги были отправлены одна за другой несколько геологических экспедиций, начались буровые работы.

Изыскания нефти проводились около двадцати лет до начала пятидесятых годов, были пробурены сотни скважин, многие из которых дали нефть. Научные предпосылки И.П.Толмачева оказались верными! К сожалению, объемы добычи не оправдали ни вложенных средств, ни надежд полярников... Но главная заслуга первооткрывателя нордвической нефти геолога Толмачева несомненна: он дал последующим поколениям геологов уверенность в перспективности дальнейших поисков сибирской нефти. В Нордике она была сибиряками пошупана впервые, наяву. В наши годы в долине Хатанги возобновились геолого-поисковые работы и получена промышленная нефть, но это — уже другая история.

Какова же судьба И.П.Толмачева? Он родился в Сибири, в Иркутске в 1972 году в семье русских переселенцев из Крыма (по отцу) и Великого Устюга (по матери). Отец рано ушел из жизни, и воспитанием сына занималась мать Фектиста Михайловна. Она получила образование в одном из состоятельных домов ссыльных декабристов, что не могло не отразиться на убеждениях сына. В Иркутске в 1893 году Иннокентий окончил гимназию. Уже в юном возрасте он проявил склонность к познанию природы, любил путешествовать по окрестностям Иркутска и Байкала. Свое жильё он превратил в музей с коллекцией минералов, горных пород, гербарием и насекомыми.

После окончания гимназии Толмачев поступил на естественный факультет Петербургского университета, а после завершения обучения в 1987 году с отличием стажировался в Лейпциге и Мюнхене (1889-1900 гг.). В течение двух лет он работал ассистентом в Юрьевском университете. Здесь началась его научная карьера, хотя обладателем своей первой публикации он стал еще в студенческую пору, в 1896 году. Начинаящего исследователя заметили в столице, и А.П.Карпинский — председатель Геолкома — пригласил Толмачева на работу хранителем геологического музея — для тех лет весьма прес-

тижная должность. Иннокентий Павлович занимал ее до 1914 года.

В 1900 году И.П.Толмачев женился на Евгении Александровне Карпинской, старшей дочери академика А.П.Карпинского, и стал близок к семье знаменитого геолога — будущего президента Академии Наук СССР. Через год в семье Толмачевых родился сын Павел, а в 1903 году — Александр. Семья, однако, не сложилась, и вскоре супруги разошлись. Несмотря на разрыв с семьей Карпинских, добрые отношения между бывшим зятем и академиком не изменились. А.П.Карпинский часто отмечал в своих трудах заслуги и достижения И.П.Толмачева; тот, в свою очередь, узнав о кончине Карпинского в 1937 году, опубликовал в американском журнале пространный некролог.

Одновременно с основными обязанностями хранителя музея И.П.Толмачев почти ежегодно находился на полевых геологических работах в районах Сибири, Дальнего Востока и Туркестана: Енисей, Уссури, Кузнецкий Ала-Тау, Северо-Восточная Сибирь, Чукотка, Забайкалье, Туруханский край, Западная Сибирь, Томская губерния, Северная и Центральная Сибирь, Колыма, Лена, Минусинская долина, Иссык-Куль... Он стал признанным знатоком Сибири.

Непрерывно идут научные публикации Толмачева. Он сотрудничает с редакциями энциклопедий Брокгауза-Эфрона, многотомника «Россия» — полное географическое описание отечества — и с другими издательствами. В 16-м томе («Западная Сибирь», 1907 г.) основной раздел книги «Природа» написан И.П.Толмачевым с приложением разнообразных фотографий, выполненных самим автором. Эта книга — лучший памятник выдающемуся геологу и путешественнику. Вся жизнь Толмачев увлекался фотографией, считал ее первейшим помощником геолога в полевых условиях, оставил для истории множество фотодокументов.

В начале мировой войны в 1914 году И.П.Толмачев участвовал в работе Общества Красного Креста, отложив на несколько лет свои научные исследования. Восторженно приветствовал Февральскую революцию, но к Октябрьскому перевороту отнесся крайне отрицательно, что не прошло незамеченным властями. В конце 1917 года он, как экономический консультант, выезжает из Петрограда в Омск для организации пищеперерабатывающего завода, затем принимает назначение профессором геологии и минералогии в Омском сельскохозяйственном институте и организует экспедицию в низовья Оби, впрочем, неудачную.

В 1920 году Иннокентий Павлович оказывается в Иркутске, Кяхте, и, наконец, во Владивостоке. Здесь в течение двух лет он выполняет обязанности профессора геологии и палеонтологии, декана политехнического института, налаживает связи с Дальневосточным отделением Геолкома. Отсутствие финансирования научно-исследовательских работ, приближение фронта боев к Владивостоку заставило ученого вести переговоры о переезде в США на должность достойную его квалификации. В сентябре 1922 года этот план осуществился, и Толмачев стал куратором Музея Карнеги в г.Питтсбурге. На этой должности он работал до выхода на пенсию в 1945 году в течение 23 лет, так ни разу не побывав на родине. В пенсионном возрасте он принял временное исполнение обязанности приезжающего профессора палеонтологии в Техасском технологическом колледже в г.Лэббок и в Университете им.Рутгерса в Нью-Брунsvике, оставив о себе память как об оригинальном лекторе.

Скончался И.П.Толмачев в январе 1950 года у себя дома на ферме Зосенти близ Чезвика в штате Пенсильвания в возрасте 78 лет. В России на кончину ученого геологическая научная общественность не откликнулась. Только в американском журнале геологического общества друзья и признательные коллеги не забыли замечательного ученого и поместили обширную биографическую статью с портретом и наиболее полным списком его научных трудов.

По свидетельству современников И.П.Толмачев отличался хорошим здоровьем, величайшей скромностью в общении с окружающими людьми, был среднего роста, строен, легко переносил экспедиционные лишения. Крайне пунктуальный, со строжайшей дисциплиной ума и тела, он любое дело доводил до конца и не успокаивался до тех пор, пока не добивался совершенного исполнения задуманного. Так, в Хатангской экспедиции, благодаря тщательной предусмотрительности ее руководителя, в течение всего времени путешествия (а это почти год), несмотря на морозы, доходившие до 58 градусов по Цельсию, не было ни одного случая заболеваний. Походная аптека использовалась только для лечения местных жителей.

Страсть к науке, любовь к путешествиям и экспедициям, продолжавшимся в годы его молодости месяцами, увы, не способствовали

укреплению семьи. Оседлая жизнь для И.П.Толмачева, естествоиспытателя по призванию, была невыносимой. Может быть, поэтому он был женат трижды, имел в браках семерых детей. Павел — будущий химик, и Александр — геолог и ботаник, остались в России. Александр Иннокентьевич стал известным ученым, профессором, часто бывал в экспедициях, в том числе в тех же местах, где путешествовал и его отец. Как и отец, автор многих научных публикаций по Сибири. Вероятно, по этой причине биографы отца и сына часто путали их между собой... Елена и Борис живут в Нью-Йорке, а его вдова Мария Мак-Лафлин Толмачева и трое младших детей Соня, Сандра и Иннокентий после кончины отца остались на ферме Зосенти.

За все годы творческой деятельности И.П.Толмачев был членом 22 международных научных обществ, в том числе Пенсильванской Академии наук, Американских геологического, палеонтологического, географического, геофизического и сейсмологического обществ, Швейцарского геологического общества, Американского общества горного дела и металлургии, ассоциации геологии нефти и многих других. За период с 1896 по 1949 год исследователем были опубликованы свыше 130 трудов, в том числе в годы эмиграции — половина этого списка. Пишу «свыше», так как список трудов И.П.Толмачева в моем архиве непрерывно пополняется.

Интерес к сибирской нефти у Толмачева не ограничивался упомянутыми публикациями. И в последующие годы в США он печатал статьи по озокериту и нефти Байкала (1925), по итогам японских нефтеразведок на Сахалине (1926) и о выходах нефти на Камчатке (1932). К сожалению, эти работы у нас в стране остались почти не замеченными. Многочисленные ссылки на труды Толмачева в двадцатых годах сменились в начале тридцатых почти полным замалчиванием его трудов. В отечественной литературе, например, первые публикации, которые относят западные берега Хатангского залива к перспективным в отношении нефти площадям, связывают с именами Н.С.Шатского (1932), Н.Н.Урванцева и Л.П.Смирнова (1933-1935). Полезность этих публикаций несомненна, но они не были первыми. В условиях тридцатых годов, когда первооткрыватель И.П.Толмачев считался изгоем,

выгодность замалчивания пионерских работ была использована в полной мере.

Даже на карте полуострова Юруиб-Тумус имя эмигранта Толмачева, появившееся в начале тридцатых годов (мыс Толмачева), позже бесследно исчезло. Сохранились только Нефтяной мыс, залив Кожевникова и остров Бегичева. Последний, кстати, был назван И.П.Толмачевым. Не нашлось места на карте Нордвика и О.О.Баклунду (тоже «не наш»!).

Автор весьма благодарен заместителю директора по научной работе Центрального геологоразведочного музея им.академика Ф.Н.Чернышева Т.А.Глазовой и старшему научному сотруднику этого музея Н.П.Русаковой за оказанное внимание, помощь и консультации в поисках материалов о И.П.Толмачеве.

В.Е.КОПЫЛОВ,
профессор.
г.Тюмень.

ДАР СТРОГАНОВЫХ

Удивительный народ — библиофилы. По крупицам собирают разные книжные редкости, тратят на поиски уйму времени и средств, а вот иной раз не могут отказать себе в удовольствии одарить собрата по увлечению теми сокровищами, за которыми сами «охотились» годами.

Лет десять назад и меня так же вот порадовал ленинградский собиратель Игорь Григорьевич Мямлин, прислав отдельный 22-страничный иллюстрированный оттиск из второго номера журнала «Русский библиофил» за 1914 год. Называется он «Библиотека гр. Строганова в Томском университете». Будет вполне уместно привести выдержку из этого материала (естественно, в современной орфографии):

«Здесь интересует нас судьба одной из старинных барских библиотек, по счастливой случайности сохранившейся в своем целом виде до настоящего времени. Мы говорим о богатейшем собрании книг графов Строгановых, находящемся теперь в составе библиотеки Императорского Томского университета.

Накопленная многими поколениями, библиотека досталась известному деятелю Александровского царствования, бывшему посланнику в Мадриде и Константинополе, обер-камергеру и члену Государственного Совета, барону Григорию Александровичу Строганову (1770—1857), получившему в 1826 году графское

достоинство.

Значительно пополненная, перешла она от него по наследству к его сыну, графу Александру Григорьевичу, генерал-адъютанту, члену Государственного Совета и сенатору (1795—1891).

Имеются сведения, что последний, в конце 70-х годов XIX столетия, имел намерение продать всю свою, громадной ценности, библиотеку петербургским антикварам и лишь совершенно случайно переменял свое первоначальное решение. Рассказывают, что за все собрание, упакованное в более чем сто ящиков, граф назначил только 10.000 рублей, и, когда призванный торговец, тем не менее, захотел ознакомиться с покупаемыми книгами, разгневанный владелец попросил его удалиться и отказался от мысли продать библиотеку. В 1880 году все книги были им пожертвованы в Императорский Томский университет, тогда еще только готовившийся к открытию, которое последовало 22-го июля 1888 года.

Собрание книг графа Строганова послужило главным основанием книгохранилища нового университета и, таким образом, потомок первых колонизаторов Сибири, «именитых людей» Строгановых, материальными средствами приобщивших новую страну могущественному государству, через 300 лет после покорения Сибири дополнил культурную роль своих предков, принеся в дар первому в Сибири рас-

саднику высшего просвещения духовную пищу и средства для культурного завоевания страны.

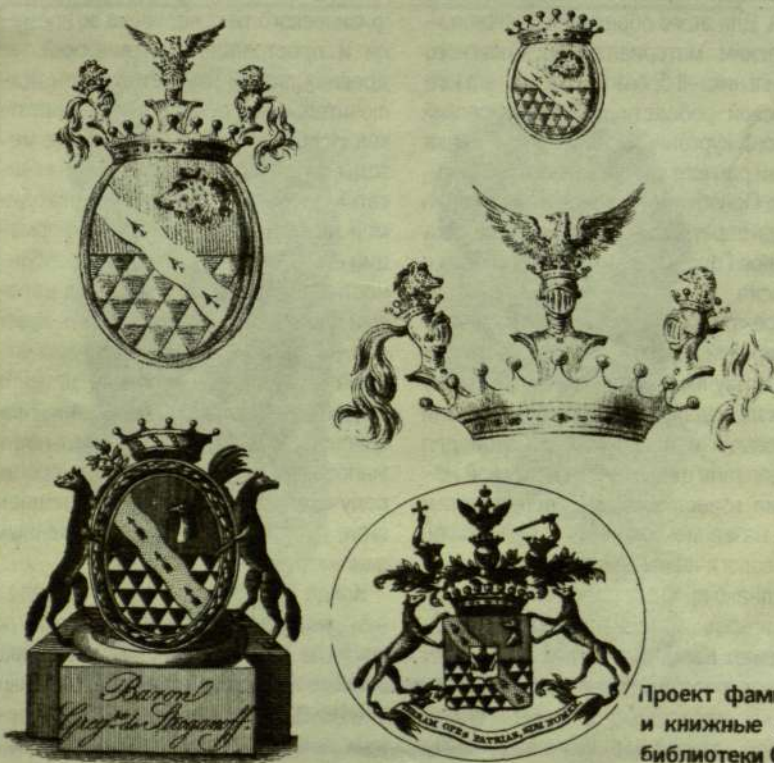
Библиотека гр. Строганова представляет собой обширнейшую коллекцию книг по всем отраслям литературы и науки и оценивается в настоящее время в полмиллиона рублей. Для отправки ее в Сибирь понадобилось свыше 120 ящиков, в которых были уложены жертвуемые книги».

Далее идет описание некоторых редкостей этой уникальной библиотеки.

Минул еще один год, и вот другой библиофил и известный московский собиратель экслибрисов Соломон Абрамович Вуль (ныне покойный) подарил мне совершенно уникальный литографированный проект фамильного герба Строгановых, выполненный неизвестным художником в первой половине XIX века.

Остается только добавить, что сейчас в моем собрании хранится десять книжных знаков, гравированных в разное время для старинной династии Строгановых, отличавшейся любовью к книжному делу. Ведь еще историограф Миллер в предисловии к своему труду «Описание Сибирского царства. СПб. 1750 г.» писал, что «кроме сибирских архивов, особливо господы бароны Строгановы, яко любители наук, как письменные, так и изустные известия для Академии ему благосклонно сообщали и к немалому его вспоможению попались ему в руки письменные сибирские летописи, которые он употреблял с пользою».

Владимир МАРЬИН.

БИБЛИОТЕКА ГР. СТРОГАНОВА ВЪ ТОМСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

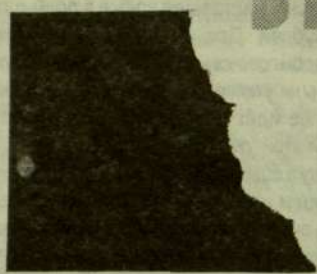
(Bibliothèque du comte Stroganoff à l'Université de Tomsk)

Немного сохранилось до насъ въ цѣлости отъ богатѣйшихъ художественныхъ коллекцій, собранныхъ вельможами и сановниками XVIII вѣка, а между тѣмъ собираніе предметовъ искусства, художественное украшеніе домовъ и жилищъ, было обычнымъ явленіемъ въ обихѣ столицахъ Россійской Имперіи, такъ же, какъ и въ обширныхъ родовыхъ помѣстьяхъ аристократіи Елизаветинской и Екатерининской эпохъ.

Титульный лист «Русского библиофила».

Проект фамильного герба и книжные знаки библиотеки Строгановых.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРЕДКАМИ

Евразия – самый крупный материк планеты Земля – многие тысячелетия являлась гигантской палитрой, на которой природа и события общественной жизни смешивали краски для создания сложной и пестрой расовой картинки современного мира. Не стояла в стороне от этого процесса и Западная Сибирь. Ведь Обь имеет самую большую среди рек Евразии площадь, а географический центр материка, по подсчетам некоторых исследователей, приходится на территорию современного Молчановского района Томской области.

Центральноконтинентальное положение предопределило Западной Сибири роль промежуточной, контактной зоны между европеоидной (евразийской) и монголоидной (азиатско-американской) большими расами. Вся древняя западносибирская история – это непрерывающиеся перемещения и смешение разных по своим происхождению и историческим судьбам племен и народов. С изрядной долей юмора эти процессы выразила русская писательница Тэффи: «Древние народы жили бестолково, мотались из одного места в другое, из одной эпохи в другую, и все это без железных дорог, без порядка, причины и цели. Поэтому учеными людьми придумано рассматривать историю каждого народа отдельно. Иначе так запутаешься, что и не выберешься».

Последуем же ученому методу и бросим взгляд на эволюцию облика древнего населения томской земли в трех

На древнем человеческом погосте,
В могильной стоя глубине,
Беру я в руки человечьи кости.
Их в руки брать не страшно мне.
Бесцветные, идущие на убыль.
И гладкие, как будто из стекла.
И хрупкие и легкие, как уголь.
Из них и жизнь ушла, и смерть ушла.

Василий КАЗАНЦЕВ

отдельных точках его исторического пути. Для этого обратимся к археологическим материалам из Еловского могильника-II бронзового века на юге Томской области (Кожевниковский район), курганного могильника Релка эпохи раннего средневековья из Среднего Приобья (Молчановский район) и позднесредневекового могильника Тоянов Городок с нижней Томи близ г. Томска.

Все три памятника вошли в анналы сибирской археологии, широко известны в научном мире, опубликованы во многих изданиях, а два из них стали базовыми и послужили основой для выделения целых эпох сибирской истории, известных ныне специалистам под названием еловской и релкинской археологических культур.

Однако процесс работы над археологическим материалом по сути бесконечен. Каждый полевой сезон дает исследователям новые знания, а появляющиеся новые приборы и аппаратура открывают дополнительные

возможности извлечения информации из вещественных источников. Все это заставляет вновь и вновь возвращаться к первичному материалу – тем находкам, которые когда-то были сделаны в древних могилах или жилищах и бережно хранятся в музейных фондах. Вот и коробки с маркировкой могильников Еловка-II, Релка и Тоянов Городок вновь пришлось доставать с полки Кабинета антропологии Томского университета. На этот раз – чтобы воссоздать скульптурные портреты людей, когда-то погребенных в этих некрополях, или, иначе говоря, произвести антропологическую пластическую реконструкцию.

Антропология – наука об изменениях физического типа человека во времени и пространстве. Физический тип древних людей изучается почти исключительно на основе костных остатков. Используя свои специальные методы, антропологи в состоянии «считать» прямо с черепа массу необходимой для научного анализа информации – пол и возраст человека, особенности его физического развития, расовый тип и т.д. Но для посетителя музея или читателя-неспециалиста воспринимать сведения об облике древних людей в виде словесных описаний или колонок цифр – дело утомительное и малорезультативное. Гораздо проще получить представление о внешнем виде древних людей по их черепным реконструкциям.

Когда речь заходит о восстановлении внешнего облика человека по костным остаткам, многие наверняка вспоминают иллюстрации в школьных учебниках с изображением ископаемых предков человека и автора этих

реконструкций — антрополога Михаила Михайловича Герасимова (1907—1970). М.М.Герасимов являлся не только пионером нового научного направления в СССР, но и талантливым учителем, организатором первой в стране Лаборатории пластической реконструкции, возглавляемой ныне его ученицей Галиной Вячеславовной Лебединской.

Восстановление лица по черепу — исключительно сложная и кропотливая работа, сочетающая в себе науку и искусство. Взятый за это непростое дело должен обладать как минимум двумя дарами: талантом скульптора и глубочайшими знаниями анатомии человека, корреляций между развитием мягких тканей и строением костного каркаса — черепа. Именно последнее — основа основ реконструкции. Ведь лицо человека в целом повторяет форму черепа. Надо лишь найти подходящую модель этих соответствий (для чего существуют специальные таблицы нормативов толщины мягких тканей), учесть соотносительность размеров различных отделов лица (каноны, некоторые из которых были определены еще древними скульпторами), увидеть и отразить в реконструкции индивидуальные особенности данного субъекта.

Всего лишь... На это уходят долгие месяцы напряженной работы. Сейчас в процессе «оживления черепа» все

больше применяется вычислительная техника. Но никакой компьютер не заменит зоркого глаза антрополога и его интуиции, основанной на глубоких знаниях и практическом опыте. Для реконструкции волосяного покрова (прически, усов, бороды) и элементов одежды необходимо знакомство с данными смежных исторических дисциплин — археологии, этнографии, истории моды, что не исключает и какой-то доли фантазии антрополога-скульптора. Известный современный английский специалист по черепным реконструкциям Ричард Нив обронил по этому поводу: «Моя цель — не абсолютно точный портрет — это невозможно — но достаточно точный...». Правильность методов реконструкции многократно проверялась в практике сотрудничества антропологов и криминалистов, когда реконструкции внешнего вида погибших людей сличались с их прижизненными фотографиями.

Вот и мы теперь можем взглянуть на портреты некоторых древних обитателей обь-томских просторов. По предложению Томского областного краеведческого музея сотрудник Института археологии Российской Академии наук доктор исторических наук Леонид Теодорович Яблонский выполнил реконструкции по черепам из могильников Еловка-II, Релка и Тоянов Городок. Необходимо отметить, что на сегод-

няшний день в музеях и научных центрах азиатской части страны имеется лишь около десятка черепных реконструкций, и новые экспонаты Томского музея заняли в этом ряду достойное место.

Все три скульптуры подтверждают установленное в науке положение о том, что в основе формирования народов Западной Сибири лежит древнее смешение европеоидных и монголоидных элементов. Современная антропология помимо трех основных расовых подразделений выделяет малые расы, или расы второго порядка. К одной из них, именуемой уральской и занимающей промежуточное положение между европеоидами и монголоидами, как раз и относились те, кто оставил названные могильники Томской области.

Обратимся к скульптурной реконструкции по самому древнему черепу — из Еловского могильника-II (рис.1). Он датируется рубежом II-I тысячелетий до н.э., то есть имеет древность более тридцати веков. Принадлежал мужчине около 40 лет, по тем временам старика, поскольку средняя продолжительность жизни похороненных в Еловском могильнике-II даже без учета детской смертности составляла всего 32,7 лет. На основании многочисленных материалов сегодня достоверно установлено, что пришедшее с юга в Томское Приобье европеоидное население встретилось здесь и смешалось с лесными племенами, положив начало тем, кто оставил Еловский могильник-II. Печать смешения европеоидов и лесных монголоидов отчетливо проявляется на выолненной реконструкции. Древние европеоидные особенности — общая массивность строения, большая ширина и малая высота лица — сочетаются на портрете еловца с монголоидными признаками — сильной уплощенностью лица и слабым выступанием носа.

Череп из могильника Релка датируется концом VI — началом VIII века нашей эры. Почти тысяча триста лет отделяли его владельца от нас и около двух тысяч лет — от предшественника-еловца. Сходство с последним прослеживается не только в том, что релкинский

Рис. 1. Антропологическая реконструкция черепа из Еловского могильника-II.

Рис. 2. Антропологическая реконструкция черепа из могильника Релка.

череп тоже принадлежал мужчине сорокалетнего возраста, но и в близости внешнего вида обоих в пределах уральской расы (рис.2). С другой стороны, антропологические особенности черепа из могильника Релка явно сближают его с черепами селькупов XVII–XIX веков, коренного населения Среднего Приобья. Расовое родство сопровождается культурной преемственностью: многочисленные аналогии имеются в погребальном обряде, религиозных верованиях, орнаменте релкинцев и селькупов. Так что наши современники и земляки – селькупы – смело могут признать в реконструкции из могильника Релка своего далекого предка.

Самым «молодым» является череп из Тоянова Городка, ему «всего» около трех веков. Он происходит из могильника, который изустной молвой упорно связывается с именем Тояна – князя зуштинских татар XVII века, первого вассала русского государя на Томской земле. Археологические материалы не противоречат легенде, датируя этим временем раскопанные курганы. Главная особенность могильника – его принадлежность зуштинцам, террито-

риально-этнической группе, издавна жившей в Нижнем Притомье. На протяжении XVII–XIX веков на Нижнюю Томь и Обь–Томское междуречье переселялись группы чулымских татар (так называемые «карагасы»), чаты (родственные барабинским татарам и казахам), калмаки (северные телеуты). В результате их взаимодействия к нача-

лу нашего века сложилась историческая общность, известная под названием «томские татары». В формировании культуры и физического типа томских татар участвовали также казанские татары, узбеки и таджики («бухарцы»), русские.

Пластическая реконструкция является портретом «чистого» зуштинца, представителя наиболее раннего в Томском Приобье тюркского пласта, еще не испытавшего значительного влияния других компонентов. По основным размерам и пропорциям лица зуштинцы были близки к своим соседям – нарымским селькупам и чулымцам, но по ряду особенностей проявляли отклонения в сторону южносибирских тюркских групп.

Давайте же еще раз взглянем на мужественные и открытые лики наших предшественников на томской земле, возможно, предков кого-то из наших современников. И, может быть, кроме сугубо научного интереса испытаем чисто человеческое расположение к этим неведомым людям. Кем они были – воинами, жрецами, простыми охотниками и пастухами? Как они жили в свое бурное и опасное время? Кого любили? О чем думали? И что могли бы рассказать нам, живущим на их земле через века и тысячелетия?

**Яков ЯКОВЛЕВ,
Владимир ДРЕМОВ.**

Рис. 3. Антропологическая реконструкция черепа из могильника Тоянов городок.

«...И НАВОДНИТЬ СИБИРЬ КНИГАМИ»

«Устройство в Сибири книжного магазина было поставлено мною во главу задуманного мною дела – распространения в народных массах просвещения. Книга была выбрана мною, как дальнбойное орудие, действующее на сотни и тысячи верст в борьбе с невежеством.»

П.И.Макушин.
(Брошюра «К 50-летию книготорговли в Сибири», Новониколаевск, 1923).

13 ноября 1872 года на стол его превосходительства господина томского губернатора легло прошение: «Покорнейше прошу Ваше Превосходительство разрешить мне открыть в г.Томске книжную торговлю под фирмою «Сибирский книжный магазин в г.Томске». К сему прошению подписуюсь –смотритель Томского духовного училища Петр Макушин».

Виза, наложенная губернатором, была краткой: «Разрешить на законном основании». Но примечательно, что параллельно с высочайшим разрешением губернатор отправил бумагу господину томскому полицмейстеру, в коей значилось: «Выдав вместе с ним свидетельство на открытие в городе Томске книжной торговли, поручаю Вам, милостивый государь, иметь наблюдение за этою торговлею – на точном основании правил, по настоящему предмету изъясненных в Высочайше утвержденном 6 апреля 1865 г. положении об этом покойного Губернатора.»

Взяв на кабальных условиях (50 процентов прибыли) пять тысяч рублей у купца В.Михайлова, Макушин поехал за книгами в Москву и Петербург.

«Ознакомление с московскими книгоиздателями было холодным душем для моих радужных расчетов и планов. Солидные торговцы к моей мысли – устроить в Сибири книжный магазин – отнеслись с крайним недоверием, считая такое дело необдуманной затеей. «Кто будет покупателем ваших книг?» – с нескрываемой иронией спрашивали меня. – Не рассчитываете ли вы на сибирских медведей?» Нашлись, впрочем, и такие люди, которые приветствовали мое начинание. Я был проникнут и жил мечтой – приблизить книгу к Сибири и наводнить Сибирь книгами»,

–вспоминал позднее Петр Иванович.

Пятнадцать пудов драгоценного груза обозами были доставлены в Томск. За триста рублей в год у купца Банникова Макушин арендовал дом на Набережной реки Ушайки у Магистратского моста. В этот же дом въехали открытая им еще в 1870 году Публичная библиотека, читальная зала, переплетная мастерская. Здесь же поселился и сам хозяин.

Макушин вспоминает: «Так 19 февраля 1873 года была выставлена «первая зимняя рама», и в страну ссылки и каторги, тьмы и бесправья совершился прорыв книги, неся с собой свет и знание.

На скромном празднике в кругу родных и знакомых были пережиты среди массы книг хорошие незабвенные минуты.

Успех превзошел ожидания. Запас книг быстро стал таять».

Подобные чувства пришлось пережить Петру Ивановичу на празднике 10-летия открытия книжного магазина. Среди многочисленных поздравлений от людей науки, культуры, духовенства, друзей его тронуло письмо, написанное десятилетней дочкой Лизой на красивом специальном листке почтовой бумаги: «Я желаю, милый папочка, тебе счастья и здоровья, и тебя благодарю за труды, за воспитанье. Я тебя люблю, люблю! Папа, милый, я желала тоже угодить тебе своей писулькой и дарю ее тебе, но прости меня, мой папа, я не знала ведь про это празднество, и хоть это прими уж от меня. Лиза».

Елизавета Петровна Макушина прожила долгую жизнь, перешагнув 90-летний рубеж. В молодости она была незаменимой помощницей в делах отца.

На одном из своих трудов отец написал дочери Лизе: «Всегда с любовью разделявшей со мной труды во всех моих просветительских начинаниях, милой, дорогой моей Елизавете с завещанием и в будущем шествовать тою же стезею».

Елизавета Петровна свято исполняла отцовский завет – почти 40 лет работала она в Научной библиотеке ТГУ.

В 1898 году (т.е. 95 лет назад) магазин П.И.Макушина переехал в специально построенное здание в пер.Благовещенском (ныне пер.Батенькова) рядом с белокаменным красавцем – Благовещенским собором. В этом здании и по сей день происходит книжная торговля. Магазины «Петр Макушин» (в недавнем прошлом «Политическая книга») и «Букинист» трудно переживают вхождение в рынок. Совсем недавно их хотели из макушинского дома выселить, причем даже без предоставления какого-либо другого помещения. Но победил разум.

Уже много лет с большого портрета взирает Петр Иванович Макушин на посетителей магазина «Букинист». Радует, наверное, седобородый старец – его дело не пропало. Девица его жизни – «ни одного неграмотного» – обрел плоть и кровь. И вечно горит лампочка – символ света – на его могиле.

Сегодняшние книгопродавцы с многочисленной армией любителей книги исполнены глубокого уважения к патриарху сибирской книжной торговли Петру Ивановичу Макушину.

Владимир СУЗДАЛЬСКИЙ.

СИБИРСКИЙ САМОРОДОК

Дмитрий ТЕЦКОВ —
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ
И ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА

Купечество старого Томска славилось не только своими торговыми и промышленными предприятиями, разнообразием производимых и продаваемых товаров, но и той ролью, которую оно играло в самоуправлении и общественной жизни города. Как правило, купцы занимали пост городского головы, составляли большинство гласных городской думы, возглавляли многие общественные и благотворительные организации.

Среди тех, кто внес особенно заметный вклад в развитие Томска, нельзя не отметить предпринимателя Дмитрия Ивановича Тецкого (1810-1882). Он был крупным судовладельцем, одним из зачинателей парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне, имевшего большое значение для снабжения города и губернии всевозможными промышленными товарами. Тецов четырежды (!) избирался томским городским головой (возможно, это рекорд). Именно ему довелось возглавить органы местного самоуправления после введения Городового положения 1870 г. А между тем, имя его почти забыто, едва упоминается в историко-краеведческой литературе последних десятилетий. Восполним, насколько возможно, этот пробел, вспомним о замечательном сибиряке.

В отличие от многих известных купцов (И.Г.Гадалова, В. и Е.Королевых, В.и П.Михайловых и др.), приехавших в наш город из-за Урала, Дмитрий Тецов принадлежал к коренным томичам, причём с давней местной родословной. Вполне возможно, кто-то из его предков пришел в Сибирь еще с дружиной Ермака.

Профессор В.М.Флоринский, приехавший в Томск в 1880 г., не без иронии писал в своих воспоминаниях: «Тецов отрекомендовался мне чуть не потомком самого Ермака». Однако ирония мемуариста в данном случае напрасна: Дмитрий Иванович действительно интересовался своими корнями, в его семье бережно хранились старые фамильные документы.

Точно не известно, когда Тецковы обосновались в Томске. Но доподлинно установлено дореволюционным историком-краеведом К.Н.Евтроповым, что уже в 1701 году здесь жил и владел недвижимым имуществом (скорее всего, домом) отставной казак Алексей Клетсков. Потом эта фамилия трансформировалась в «Кетсков», а еще позднее — в «Тецов». Такая трансформация была нередкой в те времена. Изменился и сословный статус Тецковых: они перешли в сословие мещан, в котором числилось большинство населения города. Неизменной, однако, оставалась приверженность этого рода старобрядчеству с характерными для

Д. И. Тецовъ.

него заповедями бережливости, трезвости и трудолюбия. Из старообрядцев вышли многие русские предприниматели. Приобщился к коммерции и отец будущего городского головы Иван Тецов, который вел небольшую розничную торговлю, для чего держал лавку в торговых рядах.

Родился Дмитрий Тецов 20 октября (1 ноября по новому стилю) 1810 года. В детстве, да и впоследствии, не получил никакого образования («В грамоте не далек», — отмечал про него В.М.Флоринский). Но все же читать и писать умел. Тогда и это было неплохо. Некоторые именитые купцы вообще не могли расписаться. И не удиви-

тельно: выходили они, в основном, из низших сословий, из простого народа, в массе своей неграмотного. Недостаток образования часто с лихвой восполнялся практическим опытом, приобретенным с детства в родительской лавке или службой в «мальчишках» и приказчиках. При наличии природных способностей, деловой сметки такая «школа» нередко открывала путь к будущему предпринимательскому успеху.

По всей видимости, прошел ее и Дмитрий Иванович, с ранних лет помогая отцу в лавке. Повзрослев, он сменил его во главе торгового дела. В 1840 году он перешел из мещанского сословия в купеческое, став сначала купцом 3-й гильдии, о чем свидетельствуют документы, сохранившиеся в Томском областном архиве. Как и полагалось в таких случаях, Тецов объявил свой капитал — 2400 рублей серебром. Вскоре ему удалось значительно расширить масштабы торговых операций. Этому во многом способствовало то, что в том же 1840 году он стал представителем (комиссионером) Российско-Американской компании, занимавшейся — при поддержке правительства — освоением островов в Тихом океане и Русской Америки. Его деятельность в этом качестве (закупка и доставка товаров для компании и исполнение разных деловых поручений) продолжалась более 20 лет и принесла ему не только «хорошие деньги», но и первую награду — золотую медаль с надписью «За усердие» на Станиславской ленте.

Главным делом Д.И.Тецова было речное судоходство, тесно связанное с торговлей. До постройки Транссибирской железнодорожной магистрали основным торговым путем, связывавшим Сибирь с Европейской Россией, являлось речное сообщение между Тюменью и Томском. В сороковых годах XIX века среди других по этому маршруту курсировало и небольшое парусное судно Тецова (и, возможно, не одно).

С начала 50-х годов в Обь-Иртышском бассейне становится регулярным паровое судоходство, и Дмитрий Иванович был одним из его пионеров. Вместе с тремя инородными купцами он составил пароходную компанию «Опыт» для перевозки грузов между Томском и Тюменью. Они заказали в Бельгии

железный пароход мощностью в 100 лошадиных сил, получивший название «Ермак». За навигацию этот пароход совершал четыре-пять рейсов, перевоза до двухсот тысяч пудов грузов. Через несколько лет в компанию вступил еще один судовладелец с двумя пароходами, фирма стала называться «Польза» и на какое-то время практически монополизировала перевозку грузов в этом направлении.

Однако в 1860 году эта компания распалась. Тецкову при разделе ее имущества по жребию достался пароход «Иртыш» (50 л.с.), и он стал действовать самостоятельно. В том же году в Тюмени для него был построен шестидесятисильный пароход «Дмитрий». В дальнейшем его пароходство стало одним из крупнейших в Сибири, насчитывая три парохода с суммарной мощностью 205 л.с., шесть барж, несколько лодок и три пристани с пакаузами — в Томске, Тюмени и Ирбите. Годовой оборот пароходства составлял 90 тысяч рублей.

Кроме того, уже в начале 70-х годов купец 1-й гильдии Д.И. Тецков (в 1859 г. он перешел во 2-ю гильдию, а в 1864 г. — в 1-ю) имел в Томске маслобыйный и дуботолчный завод с паровым двигателем, четыре лавки, три каменных и один деревянный дом. В одном из принадлежавших ему домов, по некоторым данным, была гостиница «Сибирское подворье». Таким образом, благодаря своей настойчивости и целеустремленности Дмитрий Тецков выдвинулся в круг довольно состоятельных людей.

Но богатство отнюдь не затмевало для него другие интересы. По натуре своей он был, как говорили когда-то, общественным человеком, равнодушным к нуждам родного города и края. Дмитрий Иванович пользовался большим авторитетом и даже популярностью в Томске. Конечно, и внешность его к тому располагала: он имел весьма внушительную, мощную фигуру и обладал огромной физической силой (по свидетельству К.Н.Евтропова, поднимал двадцатипятипудовую чугунную габку для забивания свай). Однако главным заключалось все же в его внутренних качествах. Тецкова знали как человека глубоко верующего, трудолюбивого и честного. Будучи малограмотным, он отличался незаурядным практическим умом, богатым жизненным опытом. В его характере открытость, простодушие и сердечность удивительно сочетались с твердостью и непреклонностью: не любил скрывать правду, всегда говорил начистоту, невзирая на лица.

Неоднократно горожане оказывали доверие Дмитрию Ивановичу,

избирая его на различные должности. Еще в 1839 году он стал старостой мещанского общества. Правда, исполнял эти обязанности недолго, потому что вскоре перешел в купеческое сословие. С 1846-го он состоял членом так называемой Шестигласной думы. В полной мере Дмитрий Тецков проявил свои качества и способности как городской голова Томска. Впервые он занимал этот пост в 1864-1866 годах, а затем переизбирался еще на два трехлетия. Едва начался третий срок, как последовало Городовое положение 1870 года, по которому органы городской власти получили иной, более высокий статус. Состоявшиеся после этого новые выборы городского головы (на срок с 1871 по 1874 год) вновь закончились победой Тецкова.

Возглавляя местное самоуправление, Дмитрий Иванович немало сделал для города. По его инициативе был перестроен гостинный двор, возведены новые торговые корпуса на Базарной площади, открыто несколько школ. Большая заслуга принадлежала ему в укреплении Общественного Сибирского банка в Томске (он в течение ряда лет являлся заместителем директора банка, а в 1864-1871 годах — директором). Тецков пресек имевшиеся в нем злоупотребления, упорядочил его операции. Кстати, с банковским делом он был связан еще и как член учетных комитетов Томского и Ирбитского отделений Государственного банка.

Много времени, сил и нервов отдал Дмитрий Иванович сооружению Троицкого кафедрального собора в Томске. Входя в состав комитета по постройке собора, Тецков один относился к своим обязанностям «с полной честностью и благородством». Он часто бывал на стройке, вникая буквально во все до мелочей. Очень переживал из-за организационных неурядиц, неоднократно протестовал по этому поводу в комитете. Одно из его заявлений К.Н.Евтропов характеризует как «воплé возмущенной беспорядками благородной души».

Показателен такой эпизод. Както строители собора пожаловались Тецкову, что не получили вовремя денег. В ответ они услышали: «...Зачем же вышли вы на работу, не работали бы, скорее выдали бы вам деньги; у меня работает 150 человек, и я им всегда в срок выдаю деньги и кормлю их».

На общественные нужды направлялась, видимо, и немалая часть тецковских доходов, хотя суммы его пожертвований на различные цели точно не известны, может быть, потому, что он «не любил делать это напоказ, из тщеславия. Тецков жертвовал средства на

Троицкий собор, бесплатно доставлял на своем судне железо для этой стройки, соорудил красивую часовню над рудником на Каштаке, перед смертью завещал часть своего капитала на постройку придела в одной из томских церквей. Являясь членом попечительного комитета Марининской женской гимназии и почетным блюстителем Юрточного приходского училища, он оказывал материальную помощь этим учебным заведениям. Состоял также членом «попечительного комитета о больных и раненых воинах».

Активная предпринимательская и общественно-благотворительная деятельность Дмитрия Ивановича была отмечена четырьмя «высочайшими» наградами — золотыми медалями на Станиславской, Аннинской, Владимирской и Александровской лентах. Чтили его заслуги и в Томске. Один из переулков города (ныне Кооперативный) назывался Тецковским. В 1869 году ему был торжественно вручен благодарственный адрес от купеческого, мещанского и цехового обществ Томска. Когда закончилась его деятельность в качестве городского головы, большая группа гласных думы предложила присвоить Тецкову звание почетного гражданина Томска и навсегда закрепить за ним почетное место в думе по правую руку городского головы, а в зале заседания повесить его портрет. Увы, новый состав думы сначала отложил рассмотрение этого предложения, а потом... об этом забыли.

Дмитрий Тецков оставался гласным городской думы. Однажды, когда обсуждался очень волновавший его вопрос о Троицком соборе, он не выдержал, вспылыв (впрочем, не сильно), за что был лишен права голоса, покинул свое «депутатское» место и пересел на скамью «для публики». Видимо, после этого он отошел от общественной деятельности.

В октябре 1882 года Дмитрий Иванович скончался. Смерть его прошла как-то малозаметно. Над его несовершеннолетними детьми было учреждено опекуновство. Ходили слухи, что состояние Тецкова было во многом разворовано «опекунскими». Вскоре его вдова с детьми уехала из Томска в Москву.

Безжалостное, неумолимое время грозит забвением и добрых дел Дмитрия Ивановича Тецкова. Не допустить этого — наш долг.

Олег РАЗУМОВ.

Провинциальный мастер

Томский фотограф
П.И. ДЕНЬКОВ.

Начало биографии Петра Никитича Пенькова весьма типично для своего времени — учеба и работа одновременно, «мальчиком» у мастеровых. Перепробовав разные ремесла, он остановился, наконец, на фотографии. Учителем по этой части был для него В.Е. Коркин — фотограф, имевший ателье в Омске, у почты, и отделение в Томске, в Переулке Подгорном, 4 (ныне ул. Беленца). По тем сведениям, что дошло до нас, дела учителя шли неплохо и он через некоторое время перебрался в столицу, а томскую фотографию дал возможность выкупить уже «вставшему на ноги» ученику.

Здесь же следует сказать, что ученицей Коркина была и невеста, а потом жена Петра Никитича — Любовь Петровна. Вот и стали в скромной фотомастерской жить-поживать два симпатичных человека, связанных, помимо родственных уз, еще и единой работой, да к тому же творческой. Приятно встретить в наши дни снимки, помеченные рельефным шестиугольным штампом с надписью «П. и Л. Пеньковы. Томск», — а снимков таких немало сделано и до революции, и в 30-е годы. Но было бы заблуждением считать, что все в жизни Петра Никитича шло ровно и гладко.

Начать с того, что, казалось бы, вполне сформировавшийся фотомастер, работающий ничуть не ху-

же своих коллег... продолжает учиться. На адрес Пенькова приходят журналы по фотографии, изобразительному искусству, причем не только отечественные, но и зарубежные. Он общается с художниками, у В. Мизерова и С. Голубина — известных тогда уже не только в Сибири, но и в России — берет уроки рисунка и живописи. И, естественно, все это находит отражение в работах фотографа. Ощущается поиск, желание уйти от стандарта, сделать каждый снимок таким же индивидуальным, как работа художника.

Но хождение по новым путям чаще приносит неприятности, нежели радости. Ощутил это на себе и Петр Никитич. Коллеги перестали его понимать. Для них идеалом был аккуратнейшие, тщательно отретушированные снимки, прорисованные до мельчайших деталей. А Пеньков отказывается от деталей, подчеркивает только то, что считает нужным для эмоционального воздействия на зрителя. Все его новшества, как это обычно и бывает, встречают сопротивление со стороны устоявшихся традиций, ведут к разладу с собратьями по профессии. Не исключение и Любовь Петровна, верный спутник жизни Петра Никитича. Она на стороне большинства и считает, что муж попусту тратит время.

Но как учит нас история (и история искусств тоже), новое рано или поздно пробивает себе путь. Лучше, когда рано, а то бывает и через сто лет. Петр Никитич дождался признания. Оно пришло к нему издалека — с выставок в различных городах, куда он посылал свои работы.

Во-первых, триумф на выставке в Нижнем Новгороде, в 1913 году — золотая медаль за художественную работу «Под впечатлением прочитанного». Затем диплом и золотая медаль за целую серию снимков, среди которых, кстати, был портрет художника М. Щеглова (художник очень известный, а вот упомянутый портрет пока остается неизвестным).

Красивый диплом и опять же высшая награда — золотая медаль — получены на выставке в городе Вольмаре, Лифляндской губернии.

Но самой высокой, самой почетной наградой для томского фотографа были диплом и все высшие призы — «Гран-при» и золотая медаль, — присужденные П.И. Пенькову на международной выставке современного искусства и промышленности в Лондоне в 1914 году. «Гран-при» предназначен для ношения на груди и представляет собой очень красивую вещь с бронзовыми грифонами, с цветной эмалью, и все это на муаровой ленте. Золотая медаль с портретом короля Великобритании Георга V тоже впечатляет, но экземпляр, врученный Петру Никитичу, только условно можно назвать золотым. Дело в том, что по существовавшим правилам нужно было оплатить стоимость золота, пошедшего на изготовление медали (а она довольно увесистая), и так как Петр Никитич таких денег не имел, то вполне был удовлетворен бронзовой копией медали.

Он никогда не был богатым человеком. Однако, после революции, не вдаваясь в такие тонкости, у него, как у предпринимателя, конфисковали фотоателье. Но заставить уйти из фотографии не смогли. Творческая натура Пенькова не давала ему покоя. В 20-е годы, в годы борьбы с беспризорностью, в Томске, как и в других городах, работала специальная Детская комиссия, создавались детские дома с производственными мастерскими, где вчерашние беспризорники могли обучаться какому-либо ремеслу. Позже эта организация стала называться Общество «Друзья детей». Вот к ним и обратился Пеньков с предложением услуг по обучению ребят основам профессии фотографа.

Маленькая фотография, до революции принадлежавшая Г.И. Козлову (рядом с Дворцом бракосочетания), была передана Петру Никитичу для организации фотомастерской общества «Друзья детей». Вскоре там был введен образцовый порядок и организована первая группа ребят, пожелавших обучаться ремеслу фотографа.

Один из учеников Пенькова — ныне здравствующий земляк наш Федор Поликарпович Бурый — так

вспоминает время учёбы:

«Мы изучали рисование, химию, историю искусств и собственно фотодело: аппаратуру, оптику, негативные и позитивные процессы, композицию.

Был еще один предмет, знание которого Пеньков считал для нас совершенно необходимым — это основы хозяйствования и управления. Мы изучали бухгалтерию, хозрасчет и так далее. Учили нас преподаватели из университета, педагогического института, музыкального училища и другие. Фотодело вел сам Пеньков.

Кроме изучения ремесла, Пеньков требовал от нас повышения общего образования. Мы все занимались в вечерней школе. Однако права входа в съёмочный павильон мы удостоились лишь на третьем году обучения».

Если учесть, что столь интенсивное обучение продолжалось пять лет, как-то невольно проникаешься уважением к полузабытому слову «ремесло», да и истоки мастерства наших предков становятся более понятными.

Среди учеников П.Н.Пенькова следует еще назвать хотя бы Федю Фирсова — Федора Васильевича, известного в мире кино оператора. Окончив ВГИК, до войны еще он снимал прелестные мультфильмы, затем игровое кино: «Зигмунд Колосовский», «Первая перчатка», «Морской охотник»... Продолжая дело учителя, Фирсов сам имел немало учеников, в том числе в Китае, Польше, Румынии.

А Петр Никитич умер в 1956 году и похоронен на Южном кладбище города Томска.

Эдуард МАЙДАНЮК.

Интерьер фотографии Пенькова.

«Веселая пирушка» (постановочный снимок П.Пенькова).

ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ ТОМСКИХ ПОЛКОВ

В прошлом номере альманаха рассказывалось об истории 39-го пехотного Томского полка. Но он был не первым в истории русской армии, который носил имя нашего города. Изучая историю одного из самых прославленных полков русской армии — 14-го гренадерского Грузинского генерала П.С.Котляревского, я обратил внимание на то, что в его летописи упоминается Томский пехотный полк. Находка заинтересовала. Поиск дал результаты, хотя и не слишком успешные.

Выяснилось, что первый полк, носящий имя Томска, был сформирован за тридцать с лишним лет до рождения известного 39-го пехотного Томского — 26 ноября 1763 года. Но его история не была долгой. Сформированный в Сибири, в 1779 году он был переведен на Кизлярскую линию в состав Астраханского корпуса (позднее Кавказский).

В 1784 году было повелено из мушкетерских рот Астраханского и Томских полков сформировать четырехбатальонный Кавказский пехотный полк. Однако окончательное формирование его было задержано из-за экспедиции в Чечню до 4 июня 1786 года. В этом походе полки понесли большие потери. Томский пехотный полк составил 1-й и 2-й, а Астраханский — 3-й и 4-й батальоны Кавказского пехотного полка, который повел свою историю по старшинству от астраханцев — с 1700 года.

Так закончилась двадцатилетняя «жизнь» первого Томского пехотного полка. В 1811 году Кавказский гренадерский полк стал Грузинским, впоследствии получившим номер 14 и имя прославившегося на Кавказе генерала Котляревского. Этот полк отличился во многих сражениях за более чем столетнюю историю кавказских войн. Об его славных подвигах свидетельствуют многочисленные коллективные награды: Георгиевские знамена, трубы, рожки, знаки на головные уборы, петлицы за военное отличие.

Закончил свое существование Грузинский гренадерский полк, которому дали жизнь томики и астраханцы, весной 1918 года.

Олег МУСОРИН.

КОГДА АГЕНТЫ ПИЛИ КОФЕ

От нашей слободки до храмов томской науки и культуры было рукой подать, но жили у нас больше вчерашние выходцы из деревень, пытавшиеся переделать окраину под деревню: пасли на лужайках скот, распахивали неудобки.

Чаще всего эти люди в городе делались возчиками, грузчиками и почти не мечтали стать профессорами или ювелирами, ювелиры — то мастерство на ушко по наследству передают! Но вот пойти в милицию — так сразу станешь выше ювелира. Гаркнешь: «Предъявите документы!» — академик и то вздрогнет.

А бывало, что днем крутили хрюшкам хвосты, гребли навоз, а стемнеет — могли сдрючить с запоздалого прохожего часы и пиджак, зимой — и шубу. Это тоже самоутверждало.

Так слободские пополняли и милицию, и шайки тех, кого она ловила, не лучшую их часть. Скажем, карманник — и актер, и психолог, а бандит просто берет человека за горло, сила есть — ума не надо!

Недавно, занимаясь в архиве, наткнулся я на документы, напомнившие мне нашу слободку. Оказалось, что по части «малин» в ней были более богатые традиции, чем я думал. В начале тридцатых годов осведомители доносили, что в доме по улице Тверской N 3 Марфа Баканас содержала воровской притон с проститутками и самогоном. Я был польщен: ведь именно в этом доме я родился и вырос, правда, в мое время Марфа там уже не проживала и дом значился уже под номером пятым, ибо возле самой Ушайки выстроили еще один новый дом.

Судя по донесениям, неподалеку от нашего дома было еще немало вертепов,

на Мухинской во многих домах жили известные рецидивисты, а также шла скупка краденого, на окраине Мухинской скупали угнанный крупно-рогатый скот.

Читая про Мухинскую, я подумал про живучесть традиций и вспомнил жившего там уже в мое время потихушника Витьку Урасова. Говорили, что в юности его мама скупала «темные» вещи. Витька был классным вором, а в свободное время играл в своем небольшом доме на фисгармонии фуги Баха, а мы стояли возле открытых окон и восторгались его искусством. Часто можно было его видеть и на крыше дома, где он выстроил шикарную голубятню, у него были лучшие голуби во всем околотке.

Однажды Урас сидел с топориком на крыше и что-то там перестраивал в своей голубятне, откуда-то из переулка высыпала толпа инспекторов и завопила:

— Жаркое, жаркое!

Надо сказать, что в те времена в здании нынешней травматологической больницы размещался институт социального перевоспитания, сокращенно — инспер. Его питомцы наводили страх на всю округу. Дети и подростки от девяти до четырнадцати лет, стриженные наголо, в мышинного цвета заношенной форме, они делали набег то на одну, то на другую улицу. В руках у них были гирки, привязанные резинками, пики, палки с набалдашниками, они дико вопили, загоня жителей в дома, а затем опустошали сараи, погреба, огороды.

И вот они увидели откормленных Витькиных голубей и полезли на крышу. Витька откинул лестницу, но это их не остановило, цеплялись за водосточные трубы за карнизы.

— Давай-давай! — поощрял Витька. Потом тюкнул ближайшего инспектора топориком по темечку. Дикая орда панически бежала.

А Витька продолжал спокойноенько налаживать голубятню. Синие глаза его в длинных ресницах смотрели безмятежно. Он был человек городской и знал, что такое самооборона.

Из милицейских сообщений я узнал, что в нашем околотке в 1921 году притоны и скупки краденого были не только на Тверской и Мухинской, но и на Петропавловской N 2, на Никольской, 37, в Третьем Казанском переулке N 1, где жил вор Никитка Лысый. Известные воры Иван Живетив и Степка Цыган жили на улице Полинской.

Милицейский протокол 1921-го года зафиксировал ограбление дома в конце Мухинской «возле новой заразной больницы». Ночью воры пробуровили дыры в наружной и внутренней двери, отодвинули засовы и сняли крючок. Хозяева мирно спали и проснулись в дочиста обобранном доме.

Я слышал предания об этой краже уже в году 1936-ом. Родители вообще много рассказывали о том, как небезопасно было жить в их слободке в тридцатые годы. Если случалось куда-то идти под вечер, отец клал в карман молоток. Это — вроде как орудие производства, но при случае можно применить как средство обороны.

Ночью в нашей квартире сами собой открывались ставни, а однажды было выставлено стекло. Тогда завели собаку. Она была свирепой и умной. Однажды пришел нищий, попросил корочку Христа ради, а уходя, бросил нашему догу изрядный кусок колбасы. Дог зарычал и ухватил нищего за штаны. Колбаса оказалась густо нашпигованной кончиками иглол.

В отчете о работе Томской милиции с 20 декабря 1920 года по 20 декабря 1921 года отмечается неопытность милиции. Бандиты совершали грабежи и налеты с бомбометанием и перестрелками. Томское милицейское начальство сообщает вышестоящим органам о том, что население недовольно советской властью. «Происходит это из-за нехватки продовольствия, одежды...»

Милиционеры делали, что могли, старательно осваивали профессию. В 1921 году в штате уголовного розыска состояли фотографы, гримеры, тренеры по стрельбе, медицинские эксперты.

В одном из своих грозных приказов начальник милиции писал о том, что воры-карманники вовсю орудуют в кассах театра и цирка, а агенты между тем «спокойно пьют в буфете кофе.» Начальник грозил нерадивым агентам всякими карами и приказывал часть свободных от службы милиционеров посылать в цирк и театр в штатском платье, дабы следили там за порядком.

Судя по этому приказу, театр в те времена пользовался гораздо большей попу-

лярностью, чем теперь. Увы, в наши дни столпотворение у касс театра – редкость.

Интересными мне показались отчеты милиционеров, которые следили за опрятностью усадеб и жилых помещений в городе Томске. Не сказать, что в те времена не было у них других дел. Совсем наоборот, а вот – тем не менее!

Во времена НЭПа о недовольстве томичей властью уже не сообщалось, но нередко фиксировались случаи лихих разбойных нападений.

Ранней весной 1923 года разыгралась трагедия в доме по улице Набережная Ушайки, 14. Владелец комиссионного магазина «Дартуэм» Сухоруков запер квартиру, его жена играла во дворе с соседской породистой собакой.

Настроение у женщины было отличное, но муж что-то задерживался, так ведь недолго и на спектакль опоздать. Жена решила поторопить супруга. Но в квартиру она не вошла: супруг валялся возле крыльца на окровавленном снегу.

В милицеском отчете говорится, что Сухорукова пристрелили «конкуренты по скупке драгметалла», то есть рэкетиры, как бы мы теперь сказали.

В том же году, но в августе была ограблена контора ассенизационного обоза, находившаяся на Ярлыкской (ныне Карташова). Бандиты связали и положили под стол заведующего конторой и канцеляристок. Затем очистили сейф. Из протокольной записи явствует, что томские ассенизаторы неплохо зарабатывали и что в августе зарплату им пришлось получить с большим опозданием.

Милиция отмечала грабежи на мостках через Ушайку в районе Петропавловской, Петровской и Средне-Кирпичной улиц. Но из милицеских донесений видно, что был тогда в Томске и честный народ. Описывается, например, случай, когда пожилая томичка купила на базаре масло, муку в таком количестве, что ей пришлось нанять извозчика. Пока дама приобретала в других лавках различные приправы и пряности, извозчик исчез, вместе с закупленными ею продуктами. Об этом она заявила в милицию.

Однако через час извозчик доставил все продукты к ней домой, ведь, подражаясь, он спросил ее адрес. Оказалось, что у зазевавшегося извозчика ушла лошадь, прошло какое-то время, пока он ее нашел.

На этой мажорной ноте и закончим маленький экскурс в специфическую область жизни нашего города. Теперь, как говорится, и Русь не та, и мы не те. Пусть же достанет у нас сил выдержать новые испытания, не испугаться, не опуститься, не забыть о высоком.

Борис КЛИМЫЧЕВ.

Каменное двухэтажное здание в устье реки Ушайки по правому ее берегу построено было по решению Городской Думы в 1887 – 1888 годах как трактир, впоследствии получивший наименование «Славянский базар». Памятно оно для томичей тем, что его посетил, будучи в Томске, Чехов. Антон Павлович в одном из своих писем из Томска писал: «Здесь есть Славянский базар. Обеды хорошие...»

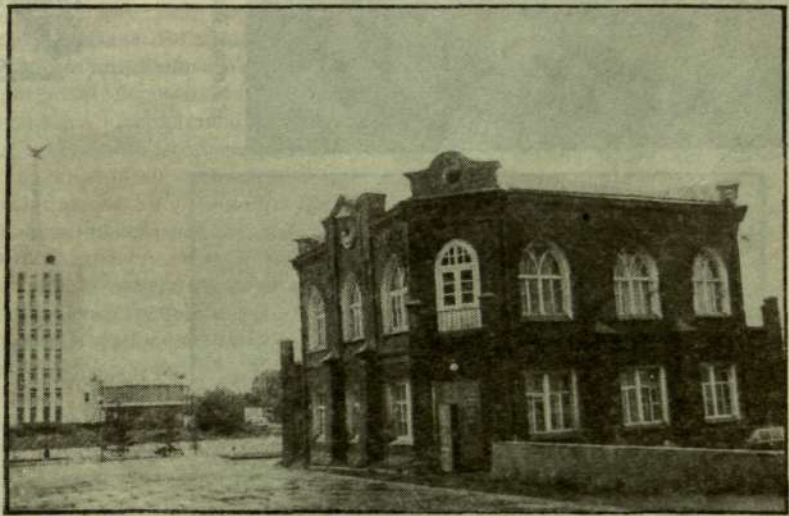
После установления советской власти в Томске и губернии здание бывшего трактира национализировали. В начале 1918 года здесь разместилась гарнизонная библиотека, созданная для солдат. В 1928 году в нем открыли чайную для крестьян, а в 1937-м оно передано в ведение Дома колхозника. Затем в нем длительное время размещались морской клуб и Томский областной комитет ДОСААФ. Словом, долгие годы был путь к возрождению. Но сегодня здесь снова –

ресторан «СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР».

Время работы – с 12 часов дня до часу ночи.
Надежной гарантией приятного вечера станет пригласительный билет, который можно получить накануне своего предполагаемого визита у администрации ресторана.

Телефоны 22-33-69, 22-31-46.
Адрес: площадь им. В.И.Ленина, 10.

ПРИЯТНОГО ВАМ ОТДЫХА!

ОПЯТЬ ОБ ЭРДМАНЕ

Увы, во втором номере «Сибирской старины» мне приписаны две ошибки, которые необходимо исправить.

1. Н.Р.Эрдман родился не в 1902 году, а в 1900-м (см. уточненные данные: Николай Эрдман. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М. 1990, с.277, 497).

2. В Томск он прибыл вероятнее всего в конце февраля 1935 года, а никак не 8 марта 1934 года. Разговор с В.И.Суздальским шел по телефону, и Владимир Игоревич незначительной оговоркой допустил ошибку: «...сера Н.А.Шевелева в театр с приездом Эрдмана, произошедшим на год позже».

Н.СЕРЕБРЕННИКОВ.

Предприятие
сдает автомобили
в аренду.

Обращаться по адресу:
пер. Пролетарский, 7-а
(район Томска-II).

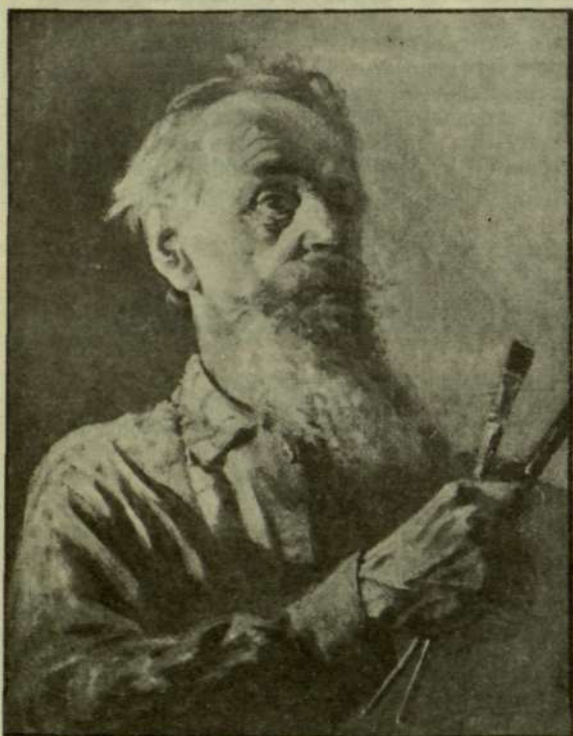
Сибирская
СТАРИНА

21

КОТОВ НИКОЛАЙ ГЕОРГИЕВИЧ /1889 – 1968/

Живописец, график. Учился в Томских рисовальных классах у С.М.Прохорова с 1910 по 1912 год, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1912 – 1917), с 1918 по 1921 год жил в Томске. Один из организаторов Томской секции ИЗО при местном отделе Наробраз. Член АХРР.

(Из книги В.Муратова «Художественная жизнь Сибири 1920-х годов», Ленинград, 1974).

Н.Котов. Автопортрет.

I ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА КАРТИН ТОМСКИХ ХУДОЖНИКОВ.

Обложка каталога выставки (дек.1908 – янв.1909).

Д.Бурлюк. Портрет Н.Котова (1919).

Г.Гуркин. Алтайские наброски (1908).

Из трилогии «ЖИЗНЬ НА ГРАНИ ЭПОХ»

(Ч.1 «Книга Жизни», главы «Детство. Юность» и «В Училище Живописи»)

1907 год. Исправно, по-сибирски покрыты снегом «Сибирские Афины». Мягкий устойчивый морозец градусов в двадцать, предвестник настоящих святочных морозов, не морозит привычных к холоду щек, ушей и носов томичей, а пока только румянит их.

«Почтамтка» (Почтамтская улица) полна народу: обыватели разных профессий и рангов, студенты, гимназисты, гимназистки заполняют тротуары. По улице едут извозчики с сидоками, укрытыми медвежьими полостями, легкие выездные санки, кошевки с ковровыми стенками задних сидений и просто сани и дровни. Царит предраздничное настроение: хлопоты, подготовка к встрече рождества, нового года, устройству елки, а главное, к преодолению грядущего стихийного бедствия - святочных визитов.

Круглые уличные витрины залеплены афишами, извещающими о святочных гуляньях, спектаклях, вечерах, концертах, о встречах нового года и о... «выставке картин алтайского художника Г.И.Гуркина».

Выставки картин были в обычае в Томске. Ежегодно устраивал свои выставки художник Вучичевич, пейзажист, певец окрестностей Томска, и изредка - «Общество любителей художеств». Но появление на арене томской художественной жизни нового имени, овсянного романтикой сказочного Алтая, вызвало у всех томичей особый интерес, и недаром так волновались два гимназиста, читая на витрине именно эту фразу.

Они еще не были художниками, но хотели быть ими, и поэтому их волнения и ожидания вполне были понятны. Им казалось, что все - и день, и воздух, и мороз, и уж конечно все люди, так же как и они сами, охвачены одним и только одним желанием - скорей увидеть эту выставку. И не мудрено, что на второй день рождества, когда выстав-

ка была открыта, они были самыми первыми ее посетителями, а затем и всегдашними поклонниками замечательного художника-самородка, сына «Алтай-кижи», ставшего на многие годы самым знаменитым и самым любимым художником Сибири, и чудным, неповторимым певцом своего сказочно-красивого края и своего родного народа.

Своими картинками, тонкими и до предела правдивыми этюдами с натуры, своими тончайшими и мастерскими рисунками пером и карандашом он околдовал и покориł сибирского зрителя, и особенно молодежь, которой так свойственно мечтать о неведомых чудных странах, о необычной, особенной жизни неведомых народов, овсянных сказочной дымкой молодых фантазий. И немало из почитателей художника получили на его выставках «путевки» в путешественники, искали нехоженных троп.

Гуркин принес сибирякам Алтай таким, каков он был в его время, но каким его уже никто никогда не увидит. То, что и как сделал Гуркин, неповторимо, ибо ушло навсегда, ибо неповторима та особая атмосфера в жизни народа, в среде которой родился, рос, жил и творил Гуркин свои художественные образы, овсянные особой романтикой тогда еще живых обычаев, легенд, сказок, древних вер и суеверий, придававших какую-то особую таинственность красоте чудной природы Алтая. Поэтому картины Гуркина - это не только картины природы и жизни народа, взятые верно с натуры, это Алтай, Алтай такой, каким видит его Алтаец, родившийся там и воспринимающий жизнь и природу родного края сквозь призму древних верований, легенд и сказаний.

На выставке Гуркина мы вместе с Мишей Черемных были не раз, и всег-

да уходили, полные упоения тем новым для нас, неведомым и огромным, и сказочно-прекрасным, которое нам открывалось в картинах и рисунках Григория Ивановича.

О, да! Это был Мир! Мир для нас новый, мир реальный, но чарующий, как ранее неведомые сказки, полные чудес, манящий своей красотой и грандиозностью, заставляющий жить им. А за этими картинами нам рисовался образ их творца, создателя этого Мира.

Больше полстолетия прошло с тех пор. Сколько выставок довелось мне увидеть на своем веку, сколько встретить художников, но ни разу в жизни, нигде я не встречал так ярко и определенно выявленного в жизни образа художника-творца, создавшего свой художественный мир образов. И не только на этой первой выставке, а и на всех последующих Г.И.Гуркина, ставший несомненно любимейшим художником Сибири, беспримерно, как никто другой, «имел свое лицо», лицо большого правдивого художника, а его произведения были точным, правдивым и полным образом его прекрасной, сказочной родины - горного Алтая, быта, образов и обычаев его таинственного народа.

На улице святочные морозы, а на выставке Гуркина тепло. По залам, увешанным картинами и рисунками, тихо, почти беззвучно движутся толпы восхищенных зрителей. Говорят шепотом. И среди этой толпы, как два Аякса, два гимназиста - Миша Черемных и я. До сих пор ясно помнятся картины: «Хан-Алтай», «Дены-дер», «Озеро Горных Духов», «Озеро Каракол», «Ул шумит», «Катунь», «Ик-ту», и великолепные рисунки пером и карандашом горных рек и горной тайги, картины и рисунки тоев, камланий, таинственных образов шаманов.*

Гуркин для нас с Мишей «открыл Алтай». Но этого мало. Он нам «открыл мир», показал, как художник может сотворить целый мир, со всем, что присуще миру. Прекрасные картины и этюды Гуркина, открывшие мне красоты сказочного, величаво-прекрасного Алтая, заложили в моей душе желание побывать там, в этих «горах вертепных», о которых говорил старый бродяга, золотонискатель Еловый Сучок. Я годы жил этой мечтой, и в работе как бы готовился к Алтаю.

Выставки Г.И.Гуркина произвели решающий сдвиг в художественной жизни Томска и всей Сибири. Если раньше в Томске только Вучичевич осенью устраивал свою выставку, то после выставок Гуркина начали активизироваться и другие имевшиеся в Томске художественные силы. Организовалось «Общество любителей художеств». В его составе было несколько бывших учеников Академии Художеств, около тридцати увлекающихся искусством художников, а также ряд начинающих художников из молодых. Ни я, ни М.Черемных ни в организации этого общества, ни на его выставках (по молодости и из боязни) участия не принимали, но выставки их посещали исправно. И хотя и на них были произведения, которые по отдельности нам нравились, но такого цельного впечатления, как от «творения целого Мира» у Гуркина, мы не находили.

На ежегодных выставках художника Владимира Дмитриевича Вучичевича обычно выставлялись картины, изображавшие пейзажи окрестностей Томска. Произведения его были честно реалистичны, ровны по мастерству выполнения, с расчетом на комнатную картину, но редко решали какие-либо новые задачи, и потому казались «обычными». Лишь изредка попадались более интересные, которые живо трогали нас, как например одна довольно большая картина «Бакены ночью». Нашим тогдашним кумиром был Андрей Осипович Никулин, очень заинтересовавший нас своей широкой манерой письма, огромными акварелями и своеобразным стилем.

Точно не припомню, но по-моему в 1908 году была устроена большая выставка «Обществом любителей художеств», которая для нас с Михаилом была большим событием, значительно расширившим наш художественный кругозор. Выставка была большая. На ней принимали участие художницы Лидия Павловна Базанова и Августа Степановна Капустина, окончившие, как говорили, Академию Художеств, и художники Рокачевский, Лукин, из молодых - Павел Тарский и карикатурист М.Щеглов.

Эта выставка для нас важна была тем, что показала довольно много разных художников с их разными

намерениями, художественными уровнями и вкусами, а также показала и различные виды изобразительного искусства: большую жанровую картину, жанры средних и малых размеров, большие и малые портреты в живописи и в рисунках, пейзажи разных мастеров с разными задачами, натюрморты, декоративную живопись и карикатуру.

Особенно нас поразила большая картина Лидии Павловны Базановой «Съезд князей в Любиче», которая была первой нами виденной большой жанровой исторической картиной. Она будила в душе наши «исторические струны», и в то же время как бы давала возможность через себя увидеть «величайшие творения высоких художников» Репина, Васнецова, Сурикова, Перова и др., дерзающих брать на себя решение таких огромных задач...

Будучи в глубине души, видимо, строгими реалистами, мы недоверчиво относились к разного рода попыткам «стилизации», «декоративным решениям» и особенно «модернизации», и, грешным делом, сильно подзревали таких художников в том, что они «не от хорошей жизни» и не от избытка знаний и таланта пускаются в эту нарочитую, искусственную, напыщенную «художественность», а от неуменья, от бессилия выразить «натуру», о каковой мы мечтали и каковую желали бы увидеть на выставке во всей ее красоте, мощи и силе. Но вот такой-то, еще не виданной нами, но как-то живущей в душе природы художественно-выраженной, мы все же на выставке не нашли, и хотя уходили с нее не разочарованными, но относились к ней, как к обещанию чего-то, что нас ждет в будущем...

Выставка «Общества любителей художеств» пользовалась большим успехом и активизировала томские художественные силы, что в результате привело к созданию «студии» при этом Обществе. Студия была открыта в помещении «Гоголевского дома» на набережной у устья Ушайки.

Вот то реальное окружение, в котором развивались мы, молодые художники-сибиряки, в своем родном Томске.

*Здесь автору изменяет память: целый ряд названных им картин Г.Гуркина были представлены лишь на последующих выставках 1910 и 1915 гг. (Прим.ред.)

«То, что видел, с тем, что было, помоги связать в одно, жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!»

Юрий Левитанский

Е. Кошелева

ИСТОРИЯ С КИНО- ЭКРАНА

Едва занялась заря кинематографа, совпавшая с началом нашего века, а уже понимали его особую роль в воздействии на людей те, кто по должности и призванию был озабочен проблемами народного образования. Предлагаемый читателю материал Е.А.Кошелевой дает представление об использовании «важнейшего из всех искусств» для решения этих проблем на омской почве.

Культурная жизнь города начала века если и не была ключом, то, крайней мере, была достаточно интересна, насыщена и разнообразна. «Сибирский Лейпциг» — так именовался Омск тех лет, для которых характерно отсутствие комплекса провинциализма. Отдаленность от столиц явилась стимулом для развития гуманитарной области, приобретения своих характерных особенностей и использования уже накопленного опыта. Проводились балы, выставки, благотворительные вечера, устраивались спектакли.

Начало века ознаменовалось широким распространением кинематографа, и в связи с этим появилась возможность использовать его в развитии внешкольного образования.

Один из разрезных лекторов Самарского уездного земства З.Б. Мороз так охарактеризовал этот новый вид распространения знаний:

«Темный люд, усваивающий изустным или книжным способом знания, иногда поразительно и карикатурно и всегда с огромным напряжением, благодаря кинематографу точно и ясно узнает, например, библейские факты, идею страстей богочеловека, жизнь слона и толена, подумает над жизнью тропической реки или норвежских фьордов». И это легко, интересно, изящно, 2–3 моих слова в объяснении, 5 мин. демонстрации, — и аудитория усвоила знания, для внедрения которых без кинематографа надо было бы употребить 2,3 урока, а иногда — никакими усилиями не удалось бы его внедрить».

Принимая во внимание такую значимость и воздействие кинематографа, Училищная комиссия города считала его привлечение к обслуживанию педагогических нужд городских школ одной из первоочередных задач.

2 ноября 1914 г. состоялось совещание омской Училищной комиссии с учителями городских начальных училищ, на котором обсуждались вопросы о посещении учащимися городских начальных училищ сеансов в кинематографе «Прогресс» и об устройстве в городском театре спектаклей, литературных утр, чтений и т.п. АН

Гладышев предложил избрать комиссию для организации посещений кинематографа «Прогресс» и выбора картин из уже имеющегося запаса. Созданной комиссией решено было собираться еженедельно по понедельникам.

Очень бурно обсуждалось внесенное Г.И.Фураевым предложение о том, чтобы параллельно с показом фильма проводить беседы на соответствующие темы, демонстрировать коллекционные материалы, а во время смены картин вносить краткие объяснения. Были предложения распределить картины по возрастам учеников (Г.Б.Казанцев), предлагать картины только научного характера (И.Н.Степанов) и другие.

На том же ноябрьском совещании предлагалось не только привлекать другие кинематографы (АН.Гладышев), но и «разработать вопрос о покупке своего кинематографа и через Училищную комиссию хлопотать об этом, и желательно, чтобы исходило это от учительского персонала» (Буяновский). Принят был даже текст анкеты, которую решено было распространить среди учащихся по поводу проводимых сеансов. Однако никаких сообщений в городском «Вестнике» на сей счет более не помещалось, и результаты не публиковались.

Созданной тогда же специальной Комиссией по кинематографу и театру (куда вошли уже упоминавшиеся Г.И.Фураев и АН.Гладышев) удалось осуществить ряд желанных сеансов. Так, 5 декабря 1915 г. были показаны картины «Кукушка», «Сокольский парад в Петрограде», «Юная пастушка», «Итальянская война», «Виды Триеста», «Землетрясение».

В Омскую городскую управу на имя городского Головы приходили заявления частных лиц с просьбами помочь в осуществлении планов Училищной комиссии относительно использования кинематографа. Чаще, конечно, обращались сами их владельцы. Например, 2 марта 1914 г. владелец кинематографического театра «Салон» титулярный советник Николай Капитонович Трескин обратился сюда с просьбой оказать содействие в осуществ-

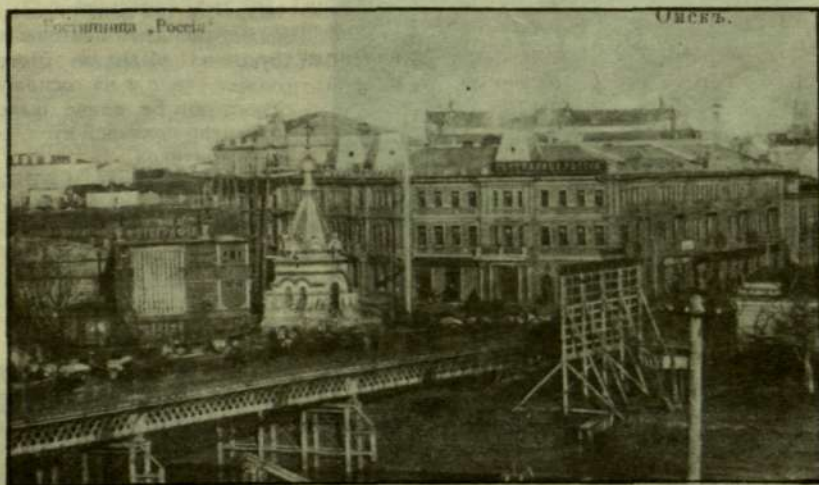
лении его плана, а именно — превращении кинематографа «Салон» в научный (преобразованному театру он намеревался дать оригинальное название «Наука и жизнь»). Трескин, прося материальной поддержки, добавлял при этом: «Желательно, чтобы учащиеся низших учебных заведений, а также дети несостоятельных родителей посещали сеансы бесплатно. Учащихся средних учебных заведений можно было бы освободить от платы в том случае, когда они будут посещать театр в сопровождении педагогов, желающих объяснить содержание демонстрируемых картин».

С подобными благотворительными и просветительскими идеями обращается в том же году и владелец электро-театра «Прогресс» Абрам Анцелевич Каплун, договор между которым и Омской городской управой от 10 июня 1914 г. оговаривал условия аренды электро-театра и проведения в нем бесплатных сеансов для учащихся городских начальных школ и других мероприятий.

Вопрос о судьбе «Прогресса» остро встал по окончании срока аренды /июнь 1917—го/. В городскую управу поступило сразу несколько прошений о предоставлении прав на здание кинематографа. Людвиг Иванович Чесницкий обращался с просьбой об аренде кинематографа для превращения его в научный, где будут демонстрироваться фильмы для учащейся молодежи (15 мая 1917 г.). Омский совет рабочих и военных депутатов просил о предоставлении ему здания для культурно-просветительских целей (23 мая 1917 г.). Однако, по заключению специально созданной комиссии, «помянутое помещение приспособить для чего-либо, кроме кинематографа, как например для народного театра или Народного Дома, не представляется возможным».

А потому на заседании Секции по народному образованию было решено ходатайствовать о сохранении здания за городским самоуправлением: «если же переход помещения к городскому самоуправлению вызовет перерыв в сеансах впредь до оборудования собственным инвентарем на продолжительное время, то признать целесообразным передать помещение группе артистов городского театра для постановки в помещении в течение сего перерыва в петнее время доступных народных спектаклей, а равно использовать помещение для устройства ряда чтений и лекций».

И это ходатайство было поддержано Думой. На заседании последней 27 июня 1917 г. постановили: «здание эксплуатировать хозспособом в целях предоставления населению дешевого и разумного развлечения согласно предложению Секции по народному образованию».

Певица Томская

Родилась А.М.Рылова в Томске на рубеже 60-70-х годов прошлого века. Гимназию она заканчивала уже в Вятке, где активно выступала в гимназических концертах. После гимназии Рылова уехала в Петербург и поступила на Высшие педагогические курсы, однако прекрасный голос, большая музыкальность девушки открыли ей дорогу в консерваторию. В судьбе певицы заинтересованное участие принимала семья знаменитого сибиряка, писателя и общественного деятеля Н.М. Ядринцева. В консерваторию Алла Рылова поступала с рекомендациями русской певицы М.А. Дейши-Сионицкой, которая была в восторге от голоса юной сибирячки. Училась Рылова у профессора Иностранцевой, а параллельно закончила и педагогические курсы.

Она мечтала возвратиться в родные сибирские места и начать работать, однако судьба предоставила ей только гастрольные поездки в сибирские города. Рылову услышал крупный киевский антрепренер Иосиф Яковлевич Сетов, который предложил ей место в своей труппе. В октябре 1893 года в Киеве была впервые поставлена опера «Алеко». Дирижировал оркестром сам Сергей Васильевич Рахманинов. Роль старой цыганки была поручена Алле Михайловне.

Сетов отличался от многих антрепренеров тем, что разыскивал молодых певцов с хорошими голосами, брал их на свое иждивение, оплачивая обучение. Поддержка Сетова, помощь благодарных зрителей позволили Рыловой поехать для продолжения своего образования в Италию. В Италии она занималась у одной из лучших Кармен — Ф. Джермано. Рылова выступала на сценах Флоренции, Милана, Болоньи и даже на острове Мальта.

Студенческий псевдоним этой актрисы и певицы навсегда прославил нашу Томскую землю: Алла Михайловна Рылова становилась на оперной сцене спозимой Томской.

Попробуем восстановить жизненный и сценический путь этой женщины по крохам информации, рассеянной в старых журналах и газетах. А путь этот был по-своему блистателен и труден.

В труппе Сетова началась скитальческая жизнь Аллы Рыловой, взявшей на память о своей родине псевдоним Томская. Киев, Казань, Вятка, Екатеринбург, Томск, Москва... Города, города...

В сезоне 1895-1896 годов она поет в Перми, где местная печать отметила прекрасное пение и игру певицы в роли Ольги в опере «Евгений Онегин». Для вятчичей, как и для томичей, Рылова была землячкой, и пресса справедливо гордилась этим.

Некоторое время Рылова поет в Москве в театре Солодовникова, неоднократно выступает на сцене летнего театра сада «Эрмитаж». Здесь она близко познакомилась с Федором Шляпиным. Они пели вместе в опере А.Н.Серова «Рогнеда», где у Томской была главная партия, в «Князе Игоре», в «Жизни за царя».

Одним из ярких событий в судьбе певицы было участие в первом исполнении «Поэмы экстаза» А.Н. Скрябина, которое состоялось в 1910 году в Москве под управлением Сергея Кусевицкого и при участии автора. В концерте участвовал хор, где солистами выступили А.Томская и знаменитый тенор А.В.Секар-Рожанский.

После исполнения своего симфонического шедевра Скрябин был встречен тушем оркестра. Скрябину поднесли три венка и осыпали дождем цветочных букетов. «Капли» этого дождя упали и на госпожу Томскую. Ее пение было отмечено похвалой столичных критиков.

К сожалению, мы не располагаем сведениями о последних годах жизни Аллы Михайловны. Возможно, читатели подскажут направление дальнейших поисков.

**Станислав
ВАВИЛОВ.**

Снимки А.Томской из собрания А.Б.Казачкова

В минувшем 1992-м году исполнилось бы 105 лет со дня рождения замечательного актера и режиссера театра и кино Ивана Григорьевича Калабухова. На протяжении долгого жизненного пути судьба не раз забрасывала его в далекую Сибирь. Об этом – фрагменты воспоминаний Татьяны Николаевны Калабуховой, внучки режиссера, дополненные рассказом о последней постановке И.Г. Калабухова в Томске, на сцене Дома Ученых.

ем творческих задач. Сами ставили пьесы, сами играли, гримировали друг друга и выполняли все обязанности, положенные в театре. Играли сезон с октября по май. Отдыхали вместе. Но отдых не бывал праздным. Например, по заданию высшего православного духовенства актерское товарищество на велосипедах отправляется по древним русским городам для сбора старинных рукописей,

нашей родной, без цены. В своем роде пока единственной...» И еще: «Красному газу» (несмотря на его технические недостатки) обеспечен прочный и большой успех...»

Это пресса 1924-25 годов. А 1938-1948 годы – репрессия. Пленка смыва. Но к первому художественному фильму Сибири возвращаются в 1966 году журналист Замира Ибрагимов и сотрудник Новосибирского телевидения Олег Максимов. Поиски исчезнувшей ленты, подшивки старых газет, афиш, попытки хотя бы частично восстановить фильм по фотокадрам архива актрисы Маргариты Горбатовой, наконец, поездка к Ивану Григорьевичу в Ашхабад, вновь ставший местом его жительства. В результате – телефильм на Новосибирском ТВ и статья «Рассказ о забытом фильме» в газете «Советская Сибирь» 1966 года, в которых воссоздана история первого художественного немого фильма Сибири.

КАК «ЗАКАЛЯЛИ СТАЛЬ»...

Иван Григорьевич – казак из дворян. Сын генерала-военврача Григория Марковича Калабухова, Ваня был отдан в кадетский корпус в Новочеркасске. Но жизнь подростка перевернули гастроли Художественного театра. Потрясенный спектаклем, кадет убегает из корпуса. Привязав коня к крыльцу, где заседает приемная комиссия, отбирающая талантливую молодежь в театр во время гастролей в провинции, он появляется перед комиссией и навсегда остается с театром. С 1903 г. живет в Москве у старшего брата Николая, а в 1906 г. поступает в частную драматическую школу артиста Художественного театра Александра Ивановича Адашева.

В 1908 году Иван Григорьевич одновременно с курсом студии А.И. Адашева заканчивает и Музыкальное драматическое училище Филармонического общества. Получает медаль и звание свободного художника.

Еще через год Калабухов становится членом Всероссийского театрального общества (ВТО). И как актер уже играет первые роли классического отечественного и зарубежного репертуара: Протасов, «Живой труп» Л.Толстого; Треплев, «Чайка» А.Чехова; Генрих; «Потонувший колокол» Г.Гауптмана; Освальд, «Привидения» Г.Ибсена и др. Психологическая драма, символизм, высокая трагедия – в репертуаре труппы Ивана Григорьевича на сцене театров губернских городов центральных районов России, Варшавы, Закавказья, Сибири. Были и комедии.

Свободолюбивый дух казачества остается навсегда. Вспоминает Иван Григорьевич: «Работали без хозяина. Товарищество с хорошим понимани-

ем книг, икон, духовного облачения, вышивок, монет и медалей.»

Много приключений и радостей пережили «сезонные» этнографы, сливая воедино драгоценные капли национальной культуры. Бывал Иван Григорьевич в экспедиции на Дальнем Востоке с исследователем Уссурийского края Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. С 1918 г. он один из организаторов и художественный руководитель театра народного дома в Томске. Его театр-студия обслуживает части Красной Армии и линию железной дороги. Гражданская война заставит Ивана Григорьевича там же. Колчак объявляет мобилизацию всех казаков.

Но небывалый успех Ивану Григорьевичу Калабухову в 20-х годах приносит его деятельность не в театре, а в кино. В 1924 году, по заказу «полусамостоятельного» Сибгоскино, Иван Григорьевич осуществляет «полудокументальные съемки» художественного фильма «Красный газ» по роману В.Зазубрина «Два мира». Газеты, журналы, сборники 1924-25 годов писали: «С пятницы 12 декабря 1924 года в Госкинотеатрах идет картина «Красный газ» – лучшее достижение советской кинематографии, режиссер И.Г.Калабухов, оператор – Марк Налетный. В ролях: М.Горбатова, В.Гардин, Е.Черепанов, В.Далевич, С.Бартенев...» Или: «Первобытная дикая лента, снятая в горах Алтая старым аппаратом, который чинился в кузнице. Без запаса пленки, без техники, кустарная работа советского кино. Но ее искренность, правдивость и подлинный пафос Сибирской крестьянской партизанщины, взятые самородным куском, делают эту ленту

С 1925 по 1932 годы Иван Григорьевич Калабухов по приглашению правления Китайской Восточной Железной Дороги (КВЖД) возглавляет Театр Оперы и Драмы в городе Харбине.

В результате конфликта на КВЖД театр был расформирован, и Иван Григорьевич работает на кинохронике в Харбине, а потом возвращается в Москву. В 1933 г. он – режиссер и художественный руководитель Центрального железнодорожного театра (теперь театр имени Гоголя). Начинаются репрессии. Расстрелян актер Далевич, тот самый, что и в «Красном газе», и в Харбине.

Обстановка такая, что Калабухов предпочитает держаться подальше от центра. В 1937 году его приглашают в качестве режиссера русского драматического театра в Ашхабад, где среди сезона – 9 марта 1938 года – арестовывают без предъявления обвинения. «Я прошел через ад», – вспоминал Иван Григорьевич. После вынесения приговора его перебрасывают в лагерь на Северный Урал. Лагерным врачом оказывается братуценщица Ивана Григорьевича – Веры Павловны Редлих. Она впоследствии режиссер известного в стране новосибирского театра «Красный факел», а затем русского драматического театра в Минске. Михаил Иванович Редлих спасает Калабухова. Говорит конвойным, что

ему конец - оставляйте, здесь похороним. А сам выхаживает старого знакомого, отдаст свое пальто, в котором Иван Григорьевич следует дальше по этапу.

До 1945 года Иван Григорьевич на различных тяжелых работах. Затем переведен в Центральный лагерный пункт и назначен художественным руководителем «Театрально-концертного ансамбля». Среди лагерного кошмара - отголосок прежней, давно забытой жизни...

Выходя из лагеря строгого режима, оставив там десять лет, Иван Григорьевич спросил официальное лицо, давшее ему справку об освобождении: «За что я попал в эти края?»

Ответ был: «За сбор сведений для японской разведки в области сталелитейной и чугунолитейной промышленности».

Калабухов пожал плечами:

«Да я актер, и сталь от железа отличить не могу».

Проездом с Севера в назначенный город ссылки - Липецк - Иван Григорьевич оказывается в Москве... Моя первая встреча с дедом. Его репрессировали 9 марта 1938 года, я родилась 19 апреля 1939-го. Мы уже были вынуждены уехать из Москвы и с января 1947 года живем в Харькове, но зимние школьные каникулы я провожу у бабушки Елены Дмитриевны Калабуховой в Москве, на Большой Грузинской. Гуляю во дворе, через подворотню входит человек в ватнике и ватных брюках. Через некоторое время замерзаю, иду к бабушке, а там этот человек. Елена Дмитриевна знакомит: «Таня, это твой дедушка»...

...А с 1955 года - снова Томск, где он работает режиссером драматического коллектива Дома Ученых. В активе замечательного мастера режиссуры Ивана Григорьевича Калабухова несколько полномасштабных постановок: «Иван Рыбаков» В.Гусева, «Годы странствий» А.Арбузова, «Последние» М.Горького, «Николай Иванович» Л.Гераскиной.

Здесь застал Ивана Григорьевича реабилитационный период. Слово - документам.

«СССР

Военный трибунал

Туркестанского

военного округа

18 сентября 1956 г.

№ 4/3765

г.Ташкент

СПРАВКА

Дело по обвинению КАЛАБУХОВА ИВАНА ГРИГОРЬЕВИЧА, 1887 года рождения, пересмотрено военным трибуналом Туркестанского округа 14 сентября 1956 года. Постановление от 2 ноября 1938 г. отменено и дело за отсутствием состава преступления производством прекращено.

КАЛАБУХОВ ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ полностью реабилитирован.

Председатель Военного трибунала

Полковник юстиции

Приймек

Печать ТУРКВО».

Тем не менее жилья в Томске так и не дали. Власти безапелляционно заявили: «Вас репрессировал Туркестанский военный округ, пусть и дает жилье». Пришлось перебраться на место репрессии в Ашхабад. Рядом - друзья-актеры, с которыми Иван Григорьевич был связан творчеством еще в 20-30 годы. Начинается постановоч-

ная и педагогическая деятельность в русском драматическом театре имени А.С.Пушкина. Длится она 10 лет, но силы сдают, и в 1966-67 годах - уже только преподавание.

В 1968 году его временным адресом в Москве становится Мансуровский переулок, 9, а Иван Григорьевич начинает хлопотать о приеме в Дом ветеранов сцены (ДВС). Его принимают, - и вновь неожиданные театральные встречи.

Вокруг Ивана Григорьевича всегда люди, и притягивает к себе души и сердца, и его комната № 93 на втором этаже ДВС полнится гостями.

24 августа 1969 года Ивана Григорьевича Калабухова не стало. Похоронен он на Николо-Архангельском кладбище. С друзьями-актерами в первом ряду. Справа - театральным администратор Лавров, сзади Владимир Владимирович Гарденин.

Татьяна КАЛАБУХОВА.

УРОКИ КАЛАБУХОВА

В нашем семейном архиве хранится записка - дорогая память об Иване Григорьевиче Калабухове. В далеком теперь уже 1958 году она была вложена в экземпляр пьесы Л.Гераскиной «Николай Иванович», как оказалось потом, последней пьесы, поставленной Калабуховым в Томске. Вот ее текст:

«Дорогой Борис Владимирович! Умоляю прочтите и скажите - да! Играю Ник.Иван. Пьеса нужная! Если скажете - Нет! ... - ставить не буду! Ибо Н.И. кроме Вас нет!...

Ваш И.Калабухов».

Нужно ли говорить, что на такую просьбу Борис Владимирович Казачков (а именно ему адресована эта за-

Дорогой Борис Владимирович!
Умоляю прочтите и скажите: - Да! - играю Ник. Иван. Пьеса нужная! Если скажете - Нет! ... - ставить не буду! Ибо Н.И. кроме Вас нет!...
Ваш И.Калабухов

писки) не мог ответить отказом. И дело не только в глубочайшем уважении к старому мастеру театра, но и в характере пьесы, посвященной школе, посвященной проблемам, которые автор сформулировал в словах главного героя: «...а думал ли ты о том, что такое школа? Ведь это начало жизни человека. Здесь формируется его нравственный мир, здесь должны научить труду, дать дело в руки. Здесь ему должны привить самые высокие человеческие принципы». Все это было близко и дорого Б.В.Казачкову, посвятившему всю свою жизнь воспитанию и подготовке учительских кадров Сибиря. Премьера спектакля состоялась в конце 1959 года.

Мне, тогда еще очень молодому человеку, студенту университета, посчастливилось стать участником спектакля, работать с И.Г. Калабуховым.

(*) Я понимаю, конечно, что по работе с самодеятельными артистами нельзя в полной мере судить о творческой манере режиссера. Он не мог ставить задачи исполнителям, не учитывая их непрофессионализм. Но какие-то главные приемы, главные методы Калабухова-режиссера были видны. Одной такой удивительной (особенно на самодеятельной сцене) чертой режиссуры было полное отсутствие «показа». Казалось бы, самодеятельному артисту легче показать, как встать на площадке, как пройти и т.д. Но никогда Иван Григорьевич по этому облегченному пути не шел. Даже с артистами-любителями он скрупулезно добивался проникновения в глубину роли. Кстати сказать, видимо этим отчасти объясняется его долгая работа над каждым спектаклем. Стараясь «довести» исполнителя до максимально

высокого уровня - раз за разом откладывал премьеру. Не знаю, все ли я правильно понимал тогда в объяснениях Ивана Григорьевича, но теперь то хорошо осознаю, как много получил в плане знакомства с актерским мастерством.

А разговоры, беседы, рассказы в репетиционных перерывах! Одно простое общение с человеком высочайшей культуры для нас, молодых людей (в спектакле мы играли школьников), дорогого стоит. Сколько нового, интересного, порой неожиданного мы узнавали от Ивана Григорьевича... Ему я обязан первым знакомством с творчеством алтайского художника Г.И.Гуркина. Произошло это в том же 1958-м, когда после долгого, по понятным причинам, замалчивания имени художника, «Комсомольская правда» напечатала о нем материал с упоминанием Томска.

На репетиции зашел разговор о публикации, и тогда И.Г. встал, взял нас за руки, подвел к большому пейзажу, висевшему в фойе Дома Ученых, и сказал - смотрите. На картине стояла четкая подпись: Г.Гуркин. Вероятно, И.Г.Калабухов знал лично художника. Во всяком случае, в 1918 году они оба жили в Томске, оба занимали видное место в художественной жизни города (И.Г. заведовал тогда драматической студией, открытой обществом народного образования). Не помню, упоминал ли он об этом, но рассказывал о Гуркине долго и интересно. Думаю, что и в этом своем увлечении творчеством старых томских художников я также во многом обязан Ивану Григорьевичу.

Не перестаю благодарить судьбу, что, хотя и на короткий срок, свела меня с таким замечательным человеком.

Александр КАЗАЧКОВ.

(*) Работа интересна для меня была еще и тем, что впервые я попадал в спектакль вместе с родителями. Одну из ролей исполняла Татьяна Александровна Казачкова.

1. Автограф И.Г.Калабухова.
2. И.Г.Калабухов среди участников спектакля «Последние» (1956).
3. Сцена из спектакля «Николай Иванович» (съемки томской студии телевидения, 30.XI.1959). В центре - исполнитель главной роли Б.В.Казачков.

ПУТЬ НА ПАНКРАЦ

Повесть*

Печальная история, о которой я хочу рассказать, началась для меня в 1964 году, когда мы с женой, впервые оказавшись в Болгарии, познакомились и подружились с двумя симпатичными чехами. Мы долго переписывались, а осенью 1978 года Маша прислала нам "Prohlašeni" – наверное, не надо знать чешского, чтобы понять, что это значит.

О нашей поездке, об удивительно чистом, уютном, с массой цветов, фонтаном и оркестром шахтерском городке, о Праге, Готвальдове, Кутна Горе, Тешине, еще десятках городов и сел надо рассказывать отдельно. А люди! Все друзья Маши и Франтишека считали своим долгом пригласить русских товарищей в гости, рассказать про свою жизнь, хорошо угостить и обязательно показать свой садик или клумбу, или домик ("как и наша Чехословакия – маленькая, но своя").

О чем мы только не говорили в те дни! С кем только не встречались! Но когда Маша сказала что со мной хочет поговорить ее подруга, учительница, отец которой родился в Томске, я немного насторожился.

Судите сами. Если предполагаемая собеседница работает учительницей и она подруга Маши, то ей, по всей вероятности, лет 20–40. Значит, отцу ее лет 45–65, т.е. родился он, скорее всего, в начале двадцатых годов. Вероятнее всего, он из тех, кто во время войны был здесь и задержался на чужой территории. Почему? Власовец? Или он сын белогвардейца-кутеповца – после разгрома Врангеля многие солдаты и офицеры белой армии нашли пристанище в Югославии, Румынии, Болгарии и Чехословакии? Правда, дети не отвечают за грехи своих родителей, но...

В возрасте я не ошибся – госте на вид казалось лет тридцать с небольшим. И, как будто желая окончательно рассеять мои сомнения, она показала документ о ее рождении. 7 апреля 1943 года в г. Пльзене, на Вензиговой улице, 5, родилась Надежда Лаудова. Отец, Василий Лауда, родился 26 декабря 1921 года в Томске. В скобках добавлено: СССР. Указана даже и специальность отца – zamecnik, замочник. Помоему, это чешское слово куда ближе русскому слуху, чем немецкое Schlosser, превратившееся в "слесарь". Названы в документе и родители отца: Йозеф Лауда и Мария, вместо девичьей фамилии которой чешский писарь написал "Антонова".

– Надежда Васильевна, но у нас нет такой фамилии, да и имя Иосиф в Сибири встречается редко.

– Отец не есть русский, он чех, и дед тоже чех, то бабичка русская из Томска.

– Бабушки уже, наверное, нет?

– Она попрана на Панкраце соучасне с маминкой в сорок четвертом роке, – Надежда Васильевна достает из сумочки сигарету.

... Панкрац... Для моего поколения это не географический термин, это слово в одном ряду с Бухенвальдом, Дахау, Маутхаузеном, Освенцимом, Терезином, Саласпилсом, Хатынью, Бабьим Яром. Бабушка из Томска вместе с матерью моей собеседницы казнены в знаменитой пражской тюрьме! К такому повороту в разговоре я не был подготовлен, но Надежда Васильевна сама пришла мне на помощь.

Два толстых тома в красных переплетах. "Обвиняю. Пражская Голгофа", Прага, 1946 г. Автор, скрывшийся за псевдонимом Карел R, в послесловии объясняет, почему он не хочет называть своего имени. Ему не надо славы, не надо признания, да и гонорар он передает детям погибших. Надо лишь одно – выполнить обещание, которое он дал казненным, надо рассказать миру о их мужестве и любви к отчизне.

По-видимому, автор был священником, и это дало ему возможность видеть осужденных перед казнью, вести дневник и в конечном счете создать книгу – еще одно обвинение германскому фашизму и его чешским прислужникам.

Это страшная книга. День за днем описывается в ней жизнь тюрьмы на Панкраце. Предсмертные записки казненных, заметки из газет, воспоминания автора, архивные документы, приказы гитлеровцев. Рисунки и даже карикатуры – юмор заключенных, мрачный и не очень, жизнь есть жизнь. Для полноты картины – фотографии наручников, креста, который верующие целовали, идя на гильотину, сама гильотина. Снимки гестаповцев и чешских фашистов – улыбающиеся молодые люди, очень приятные на вид. Списки, адреса и даже телефоны охранников, судей и адвокатов – на Панкраце строго соблюдалась законность. Списки и тюремные фотографии казненных с указанием существа обвинения – укрывательство военнопленных, хранение оружия, саботаж, связь с партизанами, слушание иностранного радио.

Под номерами 845 и 846 – фотографии Лаудовой Марии-младшей, родившейся 20.3.1922, казненной 13.12.1944 в 16.00, и Лаудовой Марии-старшей, родившейся 27.12.1897 и казненной тоже 13.12.1944 в 16.00. Все аккуратно, все записано, ничего не скажешь – немцы народ дисциплинированный, приученный к порядку, да и чешские палачи за годы оккупации тоже кое-чему научились. Невольно считаю: 7 апреля 1943 года, 13 декабря 1944 – моя собеседница, конечно, не может помнить матери. Похожа ли? Фотография маленькая, бумага в книге плохая, к тому же снимок Марии-младшей сохранился плохо, гораздо хуже, чем все остальные. У меня хватило такта не спрашивать о причине, а позднее я узнал, что, когда в 1946 году трехлетней девочке подарили эту книгу, Надя, до этого никогда не видевшая никого из своих родных, часто целовала свою маминку... Она похожа на нее – такая же худощавая, смутная, черноволосая...

А Мария Антонова, русская бабичка из Томска, на снимке выглядит гораздо старше своих неполных сорока семи. Простое лицо, таких женщин у нас тысячи. Самая обыкновенная.

13 декабря 1944 года, среда.

Сегодняшняя среда озаменована уходом в лучший из миров десяти человек. Две Марии Лаудовы – свекровь и невестка – казнены по политическому обвинению, Ярослав Нелаба – за хранение оружия, Карел Питерла – за подпольную работу... Старшая

пани Лаудова за несколько минут до казни запела "Марсельезу". Простая деревенская женщина, уходя туда, откуда нет возврата, выразила свою глубокую внутреннюю убежденность в будущем, свое завещание сыновьям, свой последний сердечный порыв в этой старой революционной песне.

— За что были казнены мама и бабушка?

Вместо ответа Надежда Васильевна подает мне другую книгу. Индра Незбедова, "Цветы на землянку", Прага, 1971. Это восемь очерков, написанных по архивным материалам, в основном — по документам Союза борьбы против фашизма. Название книги дал очерк, посвященный судьбе томича Василия Иосифовича Лауды.

Когда после первой мировой войны чехословацкие солдаты покинули израненную советскую землю, среди них не было Йозефа Лауды. Красный партизан И. Лауда, раненный колчаковской пулей, лежал в томском госпитале. Было ему в то время двадцать пять лет, и нет ничего удивительного в том, что хорошенькая черноокая медсестра Маша, ухаживавшая за ним, надолго удержала в Сибири чешского солдата.

Мы долго еще беседовали с Надей о чешском юноше, связавшем судьбу с Сибирью, о его детях, о самой Наде и ее семье, семье совсем уже чешской, но свято хранящей память о русской бабичке из Томска, о судьбе наших народов, о жизни, о детях, о школе, о будущем...

О семье Лаудовых я рассказал в выступлении по телевидению и в "Красном знамени". И выступление, и очерк закачивались просьбой — пусть те, кто помнит эту семью, откликнутся. Нет ли в Томске родственников Марии Антоновны? Не знал ли кто-нибудь братьев Лаудовых, Василия и Петра?

К сожалению, ответов на эти вопросы не было, да я, откровенно говоря, не очень — то на них рассчитывал — тем, кто знал Марию и Йозефа, должно было быть по восемьдесят и более лет, а тем, кто дружил с Василием и Петром, — около шестидесяти. Только ведь после войны мужчин этих лет рождения осталось три-четыре процента, да и женщин тоже не так уж много...

Но в общем — то я считал свой долг исполненным — ну, что я мог сделать при таком минимуме исходных данных — попробуйте найти координаты женщины по имени Мария и по отчеству Антоновна, не зная о ней больше почти ничего.

Однако через полгода мы получили письмо от Маши. Письмо как письмо, мы и раньше получали такие — Франтишек благодарит за присланную ему к Новому году "Микму", теперь у них по утрам такое же жужжание, как и летом, им очень понравился чай из русского самовара; Яна напряженно занимается — выпускной класс; Леночка часто нас вспоминает, а когда едет на машине, то обязательно поет не только "Скокал пэс пржез овэс", но и "Вместе весело шагать по просторам". Короче говоря, обыкновенное дружеское письмо. Но в конце его была маленькая приписка: "О членах семьи Марии Лаудовой вы ничего не узнали?"

И вдруг меня что-то обожгло. Да какое же я имею право быть таким спокойным? Ведь меня попросили помочь дочери, которая ни разу в жизни не видела отца! Она хочет и должна узнать о нем хоть что-нибудь! Конечно, прошло слишком много времени, но попытаться — то надо! И начать, конечно, следует с архивов...

— Посмотрите в фонде Р-521, опись 1. Быть может,

что-нибудь и найдете, — без особого энтузиазма сказали мне в областном архиве.

План мой был прост. Взять все документы по томским госпиталям того времени — ну, сколько могло их тогда быть? Два? Три? Просмотреть все, найти какую-нибудь зацепочку... И — первый удар по моему поисковому оптимизму. Оказывается, в Томске, кроме госпиталя — распределителя и госпиталя военного городка, в Красных казармах было еще двадцать шесть военных госпиталей. Да еще санитарный поезд № 235 и Пермский полевой сводный госпиталь. Три десятка! Гражданская война в Сибири вовсе не была легкой прогулочкой для частей Пятой армии, освободившей Томск, для других соединений Красной Армии, для отрядов партизан. Это была жестокая битва с умелым и хорошо вооруженным противником. И в Томске — я это вижу по списку, в котором указаны адреса, — чуть ли не каждый приличный дом был тогда занят ранеными.

Что ж, переберу все истории болезней, найду Йозефа. Конечно, это несколько тысяч документов, но у меня должно хватить терпения, задача реальна.

— Нет, что вы, никаких историй болезней у нас не сохранилось, да и вообще по военным госпиталям времен гражданской войны не сохранилось другой документации, кроме той, что вы видели.

Вот почему меня встретили без энтузиазма! Время — слишком много его прошло с тех пор...

Не буду рассказывать о многочисленных визитах в другие архивы, к пожилым томичам, которые могли иметь хоть какое-то отношение к семье Лаудовых, к старым партизанам, которых уже почти не осталось в нашем городе. Это была интересная работа, я не жалею ни об одной минуте из потраченных на эти поиски сотен часов — мне удалось познакомиться с замечательными людьми, узнать об интереснейших событиях, прочитав массу книг и документов. У меня набралось материала на несколько повестей и романов, но к Марии и Иосифу все же это имело лишь косвенное отношение.

Что ж, бросить все? Нет, конечно, надо искать и искать. Но, с другой стороны, так ли уж принципиально, куда был ранен Йозеф, в руку, ногу или грудь? В каком полку служил, имени Яна Гуса или имени Яна Жижки? Для истории, в том числе для истории семьи, такие детали, несомненно, важны и интересны. Но а для описания существа самих событий? Ведь когда студенты нашего факультета слушали мой рассказ о русско-чешской семье Лаудовых, их абсолютно не интересовала подобного рода дотошность. Они спрашивали совсем о другом. Как вообще все это было? В чем истоки мужества этих людей? Почему они, почти наверняка зная, что путь борьбы приведет их к трагическому концу, все же встали на этот путь? За что пожертвовали собой? Смогут ли они, мои слушатели, быть в чем-то похожими на этих людей? Да и надо ли быть на них похожими — это уж вопросы из девяностых годов. При чем же тут детали, подробности, мелочи? Чего же мне еще ждать? Попробовать рассказать то, что я уже знаю? Может быть, немножко домыслить, именно домыслить, не допуская вымысла? Конечно, если написанное не будет казаться ложью, то я имею на это право, а если нет? Получится? Во всяком случае, я обязан попытаться...

(Продолжение
следует).

Сибирская
Старина 31

ИМПЕРАТОР ПОНЕВОЛЕ

Известный американский журналист и путешественник Джордж Кеннан впервые побывал в нашей стране в середине 60-х годов прошлого века. В то время ему едва исполнилось двадцать лет, работал он телеграфистом и в качестве добровольца принял участие в деятельности русско-американской компании, изучавшей возможность прокладки телеграфного кабеля из Америки в Европу через Берингов пролив.

В составе небольшого отряда изыскателей Кеннан более двух лет (1865–1867) провел в малоизвестных цивилизованным миром краях Камчатки и Сибири. Пришлось познакомиться с трескучими морозами, с ночевками у костра, с обычаями таежных жителей. Были и забавные происшествия. Так, после Петропавловска группа, в которой был Кеннан, держала путь в камчадалское селение Милково. И вот что их там ожидало.

Посланный заранее курьер предупредил старосту поселка о прибытии гостей и показал открытый лист исправника, перечисляющий имена и должности всех членов экспедиции. Если бы староста был неграмотным, ничего бы за этим и не последовало. Но он разобрал в письме, что прибывает некто «Егор Кеннан, телеграфист и оператор». Слово телеграфист он так и не понял, но оператор, хоть и написано как-то неверно, но по смыслу понятно — император. С этим радостным открытием староста отправился оповестить жителей поселка о приезде на Камчатку русского царя.

Среди всеобщего ликования по этому поводу кто-то задал вопрос: было ли в бумаге указано имя императора? Староста признался, что «император Александр» написано не было, но «Егор император», по его мнению, то же самое, или, по

Было время, когда нам казалось, что у истории, как у медали, могут быть только две стороны: одна победная, с фанфарами и барабанами, вторая наоборот — с горькими рыданиями угнетенных народов. Но жизнь, которую и обязана отображать история, значительно сложнее, разнообразнее и, надо признаться, зачастую интереснее многих исторических исследований. Так что, в отличие от своих серьезных летописцев, сама история нет-нет и позволит себе шуточки, забавные происшествия и прочие анекдоты. Часть их рассеяна теперь по страницам старых малочитаемых изданий. Кое-что из этого мы будем предлагать вашему вниманию, уважаемые читатели.

крайней мере, что-то очень близкое к царственной особе. Вспомнили слова курьера, что гости прибыли на большом корабле, что одеты они в синие мундиры с золотыми пуговицами, что исправник и капитан порта всячески их угощали. И тогда твердо решили, что оператор — это, скорее всего, двоюродный брат императора. Исходя из этого и состоялась встреча с салютом из ружей и прочими проявлениями преданности и уважения.

Все это вызвало у путешественников сначала изумление, затем протест и желание объяснить недоразумение, но переубедить они никого не смогли и вынуждены были сполна вкусить утомительную процедуру проявления верноподданнейших к царствующей династии чувств.

Эдуард МАЙДАНЮК.

Джордж Кеннан на обратном пути из Сибири в 1867 г.

**СИБИРСКАЯ
СТАРИНА**

Краеведческий
альманах

Издается по лицензии товарищества с ограниченной ответственностью «Томьлад».

Редакция:

С.М.СЕРДЮК

(редактор),

В.М.СЕРДЮК

(отв. секретарь),

В.А.МАРЬИН

(гл. художник),

В.М.КРЮКОВ

(лит. сотрудник).

Члены редколлегии:

С.П.ВАВИЛОВ,

Н.М.ДМИТРИЕНКО,

А.Б.КАЗАЧКОВ,

Б.Н.КЛИМЫЧЕВ,

Э.К.МАЙДАНЮК,

В.Н.НЕГРЕЙ,

В.И.СУЗДАЛЬСКИЙ,

Л.А.УСОВ.

Адрес редакции: 634021,
г.Томск, проспект Фрунзе, 103.

Опубликованные материалы не всегда совпадают с мнением редакции.

Ссылка при перепечатке обязательна.

©ТОО «Дело», 1993.

Тираж 5000.

Печать офсетная.

ГОСПОДА ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ!

Если Вы хотите иметь свой офис,
магазин,
гостиницу
в престижном районе города,
приглашаем Вас вступить в пай.

СПЕШИТЕ!

Фундамент уже готов!

Со склада в Томске мы готовы поставить
ИНДИЙСКИЙ ГОБЕЛЕН –
отличный материал для отделки
Вашей квартиры или офиса.

Телефон в Томске (382-2) 44-11-16.

Компьютерный набор — ТОО «Фон».

Отпечатано в типографии издательства «Красное знамя»
(г.Томск, пр.Фрунзе, 103/1).

Цена договорная. Тираж 5 000. Заказ № 2001

